

*Вперед,
к коммунизму!*

Дневник СМЕНИ

Фото О. Лавлер.

Завтрашние специалисты

Близится весна. Недалек конец учебного года. Для многих студентов нынешний учебный год будет последним годом в вузе. Десятки тысяч выпускников сейчас готовят свои дипломные работы.

Фоторепортер «Смены» после зимних студенческих каникул заглянул в лабораторию биохимии при Ботаническом институте МГУ.

Студентка-отличница комсомолка Людмила Черномордикова, будущий биохимик, работает над темой о выделении нуклеиновых кислот из зародышей пшеницы.

Студентка того же, пятого курса Лияя Тураева готовит выпускную работу на тему о выделении нуклеиновых кислот тмина из дрожжей.

На фото: Л. Черномордикова (на первом плане) и Л. Тураева в лаборатории за подготовкой своих выпускных работ.

ЗАСТРЕЛЬЩИКИ

Цех комбайнов Ростовского завода сельскохозяйственного машиностроения имени Сталина работает нетрудно: вереница серых отлакированных «станцишек» еще издавна указывает путь в огромное здание, где по конвейеру идет сборка этих замечательно умных машин.

Постепенно обрстая десятками деталей и узлов, движется комбайн по конвейеру. В отделах собирают различные агрегаты и в том числе хедер — механизм, срезающий хлеб и подающий его в молотилку комбайна. В цеху работает много знатных станкоовцев, ударных бригад, но в февральские дни внимание всего 10-тысячного коллектива Ростсельмаша было обращено на отдел полотен. В отделе работают 72 девушки. Это чрезвычайно важный участок. Тысячи комбайнов не могли бы обмолотить и калитарама зерна без полотен транспортеров и элеваторов. По движущимся полотняным лентам срезанный хлеб подается в молотилку комбайна. Вот эти полотно-транспортеры и выпускает

На посту

В детстве, играя с товарищами, Семенов научился подражать голосам птиц. С тех пор почти никогда не вспоминал об этом младший командир пограничных войск НКВД.

Недавно, находясь на посту, Семенов услышал крик сича. Пограничнику показалось, что это перекликается между собой несколько птиц.

Семенов, как бывало в детстве, начал подражать птице. Приблизив к губам ладони, он включился в «птичий концерт». В ответ послышался шорох ветвей, мелкая пухляк в кустах тень.

Прямо на Семенова шел человек. Повидимому, он был уверен, что подходит к своему.

Лишь приблизившись вплотную, осыпав-нарнувшись увидел направленное на него дуло винтовки. Еще мгновение — он обезоруженный лежал на земле.

Пограничник Семенов, не сводя глаз с диверсанта, продолжал шептать. Вскоре на звук его голоса подошли еще двое.

«Звукоподражателе» привел на заставу трех шпионов.

Комсомольцы острова Врангеля

Недавно в Москву приехала группа зимовщиков с острова Врангеля. Один из них, тов. Валейес, рассказал в редакции «Смены» о жизни и работе комсомольцев далекого острова.

Когда в 1926 году Г. А. Ушаков предложил охотникам Бухты Провиденция зимовать на острове Врангеля, желающих нашлось немного. Охотне других откликнулись молодежь. На остров приехали эскимсы Таян, Анауки, Ноку, Нанауи и Напауи. За молодежью последовали и кое-кто из стариков.

К 1937 году на острове создано крепкое комсомольское ядро. Таян и Ниоку к этому времени были приняты в сочувствующие ВКП(б).

Когда заканчивается сезон пушного промысла, комсомольцы-охотники с'езжают на полиурную станцию. Здесь вместе с партинко-комсомольской группой зимовщиков они вырабатывают план дальнейшей работы, участв.

Комсомольцы показывают образцы стахановской работы. Ниануи был одним из остающихся охотников. Теперь он завязал второе место и по количеству добытых песцов и по качеству верничной обработки. Чистая просторная теплая яранга Нанауи охлена внутри обоями. Упряжкой Нанауи воспитываются все охотники. За черту с половиной месяца пушного промысла этот молодой охотник

На первом снимке: общий вид главной станции на острове Врангеля. В центре: молодой зимовщик, крайний слева — начальник острова Врангеля тов. Таян.

Фото М. Валейес.

заработал 19 286 рублей. Он покупает лучшие продукты и вещи на фактории. Семья Нанауи живет сытно и весело. Брат его, инвер Алпауи, учится в школе-интернате.

Комсомолец Алнафа также хорошо справляется с работой. Он не только охотник, но и прекрасный моторист, в совершенстве знающий двигатель внутреннего сгорания. Алнафа по собственной инициативе переехал на не освоенный еще северный участок острова. Он интересен в социалистическое соревнование с охотниками и хочет выйти на первое место.

Комсомолец Кукуна и Таслекк овладели профессией радиста. Сейчас Кукуна совершенствуется в Москве.

Комсомолец Ноку работает на полиурной станции научным работником — метеорологом, — а Таян назначен начальником острова Врангеля.

Замечательно живут и работают комсомольцы-эскимсы на острове Врангеля.

СОРЕВНОВАНИЯ

бригада старшего мастера Ани Горловой.

Весь день назад Аня 19-летней девушкой пришла на Ростсельмаш. Она работала уборщицей ремонтно-механического цеха. Потом, подучившись, Аня начала работать шпильницей в цехе ковкого чу-

гуна и уже оттуда попала в цех комбайнов слесарно-сборочного мелких узлов и, наконец, стала бригадиром.

Теперь Аня Горлова — старший мастер. Если бы вы спросили Аню Горлову, кто из работниц лучшая, она бы задумалась, а потом сказала:

— Не могу выделить, все сем-

десят дев хороши. Все работают по-стахановски, участв в кружках, на рабаках, в техникуме, в школе мастеров социалистического труда».

В тот день, когда появилось в газете решение ЦК ВКП(б) о союзе XVIII с'езда партии, Аня Горлова созвала всех работниц своего участка. Через полчаса по всему заводу пронеслась весть, что 72 девушки отдела полотен выехали на предсезонное социалистическое соревнование все цеха и отдела Ростсельмаша.

По предложению Ани Горловой, женская бригада вызвала на социалистическое соревнование и директора Ростсельмаша тов. Громова. Девушки обещали давать ежедневно 120 полотен, и к 10 марта, ко дню открытия XVIII с'езда, выполнить свой квартальный план. В свою очередь девушки потребовали от директора завода обеспечения работы бригад хорошим сырьем.

Так бригада старшего мастера Ани Горловой первой в Ростсельмаше стала на стахановском ваяту имени XVIII с'езда ВКП(б).

С. СОСИН

Женская бригада отдела полотен Ростсельмаша. В центре: старший мастер Аня Горлова.

СМЕНА

журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Год издания XVI № 3 март 1939 г.

В НОМЕРЕ:

На титульной странице: М. БОЙКОВ — В честь XVIII съезда ВКП(б).

ВПЕРЕД, К КОММУНИЗМУ! (передовая)

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ — Вождь (стихи).

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. Пажиты Н. К. Круцкой С. КРУШИНСКИЙ — Коммунист Макаров (отрывок из романа «Теплые горы»).

МИХ, ЗОЩЕНКО — Юность Шевченко (из повести).

ТАРАС ШЕВЧЕНКО — Когда б вы знали, господа. Перевод А. Глобы.

К. ЛАПИН — Большая Медведица (рассказ).

Л. ЛУЦКИЙ — Луганский слесарь (очерк, оконченные).

П. ЛОПАТИН, И. РОМАНОВСКИЙ — Москва 1945 (очерк).

Р. БЕРШАДСКИЙ — Рост (очерк).

М. КЛЕВЕНСКИЙ — Великий поэт Украины (статья).

ТАРАС ШЕВЧЕНКО — Заповіт. Перевод Н. Тихонова.

И. ГУЩИН — На родине Шевченко (фотоочерк).

В. БЕЛЯЕВ — Над Невой (рассказ).

И. ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ — Свердлов (статья).

Ю. НЕЙМАН — Партийная пьеса («Павел Греков» Б. Войтехова и Л. Ленца в Московском Театре Революции) (рецензия).

Л. КОСТИН — Если завтра война... (очерк).

Е. и С. ШАТРОВЫ — Случай с очеркистом (Фельетон).

МАКС ПОЛЯНОВСКИЙ — Чаплин против фашизма (очерк).

ПРОГУЛЫ И БЫТ (отклики на статью, помещенные в «Смене»).

ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИГАХ: С. КАРАМОЛЕНКО — «Записки следователя» Л. Шейнина.
ДНЕВНИК «СМЕНИ»: Загранице специалист. На посту, Комсомольск острова Врангеля. Застрельщики соревнования.

Рисунки Г. Балашова, Г. Васильева, Б. Винокурова, Б. Анфилова, Ю. Ципевичко, В. Урина.

Фото: И. Гущина, А. Гаранина, О. Ландер.

На обложках: «Вперед к коммунизму!» — композиция художника И. Гринштейна.

В ЧЕСТЬ XVIII СЪЕЗДА ВКП(б)

В тот день, когда я узнал о созыве съезда, я пришел на завод раньше обычного. Рабочие взволнованно, горячо обсуждали радостную весть.

В обеденный перерыв состоялся митинг. Мы собрались в цеху и составили обращение ко всем рабочим, колхозникам и интеллигенции Москвы и Московской области с призывом — включиться в социалистическое соревнование имени XVIII съезда ВКП(б).

На заводе я работаю давно, с 1932 года. В 1936 году меня призвали в армию. И вот только два месяца, как я вернулся и стал работать слесарем-наладчиком. Дело пошло попрежнему хорошо, как будто я и не уходил с завода.

Армия мне дала очень много: я учился на общеобразовательных курсах, ежедневно читал газеты, журналы, книги.

До ухода в армию я был слесарем-сборщиком. Я предложил делать заточку примерно на 60 градусов, а раньше ее делали на 45. Благодаря этому работа стала идти значительно быстрее. Сейчас я выполняю норму на 150 процентов.

XVIII съезд большевистской партии будет съездом завершения строительства социалистического общества. Грандиозные перспективы, развернутые в тезисах доклада т. Молотова о третьем пятилетнем плане, исполнили меня желанием еще лучше и упорней работать.

В течение ближайшего периода времени мы должны догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Америки, обеспечить высочайшее освоение техники в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, — так говорится в тезисах доклада т. Молотова. Чтобы овладеть передовой техникой, нам нужно много и серьезно учиться.

XVIII съезд партии комсомольцы «красного пролетария» встречают горячей большевистской борьбой за досрочное выполнение плана 1939 года, за освоение новых, повышенных норм выработки, за образцовую дисциплину труда. Вместе с заводом, вместе со всей страной мы идем навстречу новым победам коммунизма.

Завод «Красный пролетарий»

Слесарь-наладчик М. БОЙКОВ

Возмездь

Он шел сквозь строй, бесстрашный плети,
Сквозь страшный лес, где ветки жлобо
жала.
Он шел, не дрогнув, без малейших жалоб,
Лопь мог от ооид поселить в тот миг.
Жестокую превозмогая боль,
Он стиснул зубы—только б не склониться,—
Он книжку молча нес перед собой,
Листая под ударами страниц.
Впадая в ярость, в панику, в испуг,
Бледнея эскуторы вокруг.

Как он велик был в подвиге своем,
В презрении к врагам, в своем бесстрашии!
Как много черт мы раскрываем в нем,
Волнующих воображение наше!
Он молод был в те срадные года,
Герой, ковавший посреди гоений
Свой ум и волю. И уже тогда
В его поступках пробуждался гений.
Никто дерзать так широко не смел,
Как этот несгибаемый кавалец.*

Где вырос он, бесстрашный человек?
Где созрела он, на каком просторе?
Он вырос в детстве лени бурных рек,
Паренье птиц, холмы и башни Гори,
Высокогорным воздухом дыша,
Хребет, сверкавший снеговым покровом,
Он созрел. И мужеством суровым
Его широта поднимала душа.
Меж тем внизу, белое молоко,
Он уловил гор дымчатая облака.

Но в мире первозданной красоты,
Среди долин и солнечных нагорий

* Картина — грузин.

Он видел бездну, будничное горе,
Уродливые пятна нищеты,
Прогорклый хлеб, покорность, кабалу,
Верстака отца, слепые стены хижин...
Как тесен мир, когда просторно заду!
Как страшен мир, когда народ унижен!
И рано он прозрел и постиг
Свою мечту, слова любимых книг.

А возмужав, он стал несокрушим,
Как этот край, что волею природы
Вознесся взрывом каменной породы,
Вещью недостижимых вершин.
Без промаха он убеждался в том,
Кто дорог был ему, кто ненавистен.
И самую правду из исти
Впитал он с материнским молоком,
Гласящую, что всех земных пород
Цельней и долговечнее народ.

Так думал он — народа кровь и плоть,
Метала того же слана и закала,
Готовый за народ сражаться вплоть
До сия последних. В нем не иссякала
Живая вера в правду и успех.
Наперекор гоениям и пыткам
Он счастье нес, которого на всех
Должно хватить с несмысленным избытком.
Сомкнул ряды, на подвиги яля,
Народ, родивший своего вождя.

Ведущий нас к вершине за собой,
Всего народа воплощая разум,
Все наши чувства обнимая разум,
Он стал нам правдой, законом, судьбой.
Такая страсть в скупых его речах,
Что люди им в одном порыве внимают,
Как будто слово каждое — рычаг,

Которым поворачивают землю.
Сложнейший смысл умеет он облечь
В простую и волнующую речь.

Последу взгляд заблудивший проник.
Он оцуман, отеческий и скромный,
В цветены сада, в полыхающих долинах,
На дальней льдине, на страницах книг.
Согреты им, высоко поднимались мы,
Опережая времени полет,
И восхищенным взорам предстает
Синюшее утро коммунизма.
Чем ближе несть, тем радостней идти
По этому высокому пути.

Никто таких не ведет дорог,
Как он, раскрывший истину для тысяч.
О, если б я резцом искусным смог
Из точных слов как из гранита высечь
Его лицо в суровой доброте,
Спокойно обращенное к народу,
Заполненному за, в минуты те,
Когда буршут под выносом сводом
Слова любви, и буре нет конца,
И настает раскрываются сердца!

В любви из нас, пульсируя, живет
Частина той любви необозримой,
Как счастье обретенное, любимой,
Он будет жить, покада жив народ,
Покуда свет и воздух на земле,
Высоты и морей глубины,
Пока земля уменена в Кремле,
Прозрачным и немедвукшим рубином.
Звезда горит над миром, высока,
Как факел, озаряющий века.

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

ВШЕДЕД, К КОММУНИЗМУ!

Великие дни переживает наша родина. Начиная свою работу XVIII съезд партии большевиков, партия Ленина—Сталина. Со всех концов страны съехались в Москву делегаты съезда—лучшие люди большевистского племени, цвет советского народа. Первым делегатом на XVIII съезд ВКП(б) на всех партийных конференциях и съездах избран организатор и вдохновитель побед социализма, воевода партии товарищ Сталин. Избранными делегатами съезда ближайшие соратники товарища Сталина: товарищи Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Афанасьев, Микоян, Жданов, Хрущев, Берия, Димитров.

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) стоит в ряду исторических, поворотных событий в жизни нашей родины, в жизни всего трудящегося человечества. XVIII съезд большевистской партии собирается в обстановке нового волноса исторического развития нашего социалистического государства. СССР вступил в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Съезд утверждает третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В миллиардах суммах прироста продукции промышленности и сельского хозяйства, в списках новых строек, а перечне ближайших технических задач, о которых говорит тезисы доклада тов. Молотова, начертан путь, по которому наша страна будет подниматься с первой, или второй, ступени коммунизма на высшую его ступень.

Коммунизм—это самый разумный, самый справедливый, светлый и радостный общественный строй.

Граждане СССР уже пользуются всеми благами первой фазы коммунизма—социализма. Мы живем в стране, где нет эксплуатации человека человеком, нет частной собственности, нет неравенства между людьми разных национальностей. Все граждане СССР—хозяйва нескончаемого богатства своей родины, они свободно и радостно используют свои права на труд, на отдых, на образование. Трудящиеся капиталистических стран, живущие под вечным страхом безработицы, не вылезавшие из жестокой нужды, не могут не завидовать чувства благодарной признательности к людям Советской страны.

Но большевики никогда не успокаиваются на достигнутом. Большевистская партия, воевода партии и всего народа товарищ Сталин ведут страну к новым победам. И мы видим величественные контуры общества, где на основе завоеваний социалистического строя, на базе нового грандиозного развития техники и полема культуры будет ликвидирована противоположность между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, где наука и искусство достигнут необычайного расцвета. Высочайшая производительность труда, одождоторенного наукой, даст необъемлемое изобилие продуктов. В этом обществе каждый будет трудиться по своим способностям, а получать по своим потребностям. Это будет коммунистическое общество.

Накануне первой пятилетки (1928—1932 годы) на нашей стране еще лежала печать технической и экономической отсталости. Несмотря на то что рабочие и крестьяне под руко-

водством большевистской партии провели огромную социальную работу, восстановили порванную войной промышленность, подняли сельское хозяйство, СССР еще не был в период могучей индустриальной страны, экономически самостоятельной. Первая пятилетка сделала СССР такой страной. В годы первой пятилетки социалистическая система стала единственной системой в промышленности и господствующей силой в сельском хозяйстве. В городах не стало безработных, а в деревне десятки миллионов бедняков, вступив в колхозы, поднялись до положения обеспеченных людей. «Зачинение этих достижений первой пятилетки состояло, прежде всего, в том, что они окончательно освободили рабочих и крестьян от ярма эксплуатации и открыли дорогу всем трудящимся СССР для обеспечения себе зажиточной и культурной жизни». («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 305).

Еще более грандиозные задачи решили трудящиеся нашей страны в годы второй пятилетки (1933—1937 годы). Было проведено техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства. На необоримых полях нашей родины появились тысячи тракторов и комбайнов, соединивших с комбайнов выстроенных в первую пятилетку заводов. Овладев передовой техникой, совершил свой исторический подвиг Алексей Стаханов. Лицо страны изменилось. Оксиды были ликвидированы все эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождавшие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплу-

аторов и эксплуатируемых. Колхозный строй в деревне окончательно окреп. Социалистическое общество, в котором мы живем, состоит из рабочих, крестьян и интеллигенции, вышедшей из народа. С каждым годом все более и более стираются границы между рабочими классом и крестьянством, а также между этими классами и интеллигенцией. Победа социализма, законодательно закрепленная в Сталинской Конституции, обеспечила невиданным раньше идею внутреннее моральное и политическое единство народа, морально-политическое единство трудящихся под знаменем и руководством коммунистической партии и Советской власти, способное не только покончить с остатками враждебных классов, с их жуткими влияниями и дать отпор всяким враждебным покушениям извне, но и являющееся лучшей гарантией дальнейшего роста и расцвета нашей родины, гарантией победы коммунизма в нашей стране» (тезисы доклада тов. В. Молотова).

XVIII съезд партии утверждает третий пятилетний пятилетку (1938—1942 годы).

Перед промышленностью и сельским хозяйством поставлены задачи, сформулированные на основе научного предвидения путей победы коммунизма в нашей стране. Возьмите такую задачу, как решительное внедрение на заводах автоматов и полуавтоматов. Значение автоматов состоит не только в том, что они обеспечивают колоссальную производительность. Для нас, строителей коммунизма, важно и то, что автоматическая система машин требует высококвалифицированного труда. Обслуживать автомат может лишь рабочий, овладевший высочайше-техническими знаниями. Тем самым автоматическая система машин подымает вековую противоположность физического и умственного труда.

А подлая гнификация умелый Утончище социализма, рисуя идеальное коммунистическое общество, старательно обходился вопросом о том, кто же будет в этом обществе выполнять тяжелую физическую работу. Наука и техника той эпохи не давали ответа на этот вопрос. Утончище казалось, что труд шахтера будет всегда таким же изнуряющим и непродуктивным, как и в те времена. Подлая гнификация умелый—это химический способ добычи топлива из недр земли. Ленин генерально расценил значение подлой гнификации умелый для улучшения условий труда и быта миллионов масс. Ленин мечтал о том времени, когда открытие Рамзеса позволит сделать... условия труда более гигиеничными, избавит миллионов рабочих от дыма, пыли и грязи...» (Ленин, том XVI, стр. 369). В тезисах доклада тов. Молотова ставится конкретная задача—превратить подлую гнификацию умелый в самостоятельную отрасль промышленности.

К 1942 году в нашей стране будут построены сотни новых заводов и гидростанций, продолжены тысячи километров новых железных дорог и автострад, продукция сельского хозяйства вырастет до 30,2 миллиарда рублей (рост по сравнению с 1937 годом на 53%), а продукция промышленности—до 180 миллиардов рублей (прирост по сравнению с 1937 годом на 88%). Еще богаче, еще могучее станет наша великая родина! Еще больше укрепит ее обороноспо-

Фото И. Шапана.

Высшая Михайлович Молотов, докладчик по вопросу о третьем пятилетнем плане на XVIII съезде ВКП(б).

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

26 февраля 1869 г. — 27 февраля 1939 г.

общность. Больше станет товаров, продуктов, улучшится во много раз бытовое и культурное обслуживание населения. Более чем в полтора раза увеличится потребление трудящихся СССР. Возникнут практические возможности и необходимые условия для постепенного перехода к распределению по потребности, к осуществлению коммунистического принципа распределения. «Теоретически можно уже сейчас представить себе, что постепенный переход к коммунистическому принципу распределения будет выражаться, например, в том, что сначала будет введено бесплатное распределение по потребности предметов первой необходимости (хлеб, мясо). Затем, по мере роста общественного богатства, постепенно будет вводиться бесплатное распределение по потребности и других продуктов и предметов» («Большевик», № 30 за 1938 год).

Захватывающие, грандиозные перспективы! Вдохновленные ими, руководимые большевистской партией, величайшим человеком нашей эпохи Сталиным, трудящиеся СССР будут бороться за выполнение программы третьей пятилетки. Рабочие, колхозники, интеллигенция, взрослые и молодежь — вся страна будет упорно работать над выполнением сложной экономической задачи, с особой силой поддержанной в тезисах товарища Молотова. Эта основная экономическая задача состоит в том, что СССР в течение ближайшего периода времени должен догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные штаты Америки. Ибо несмотря на то, что мы располагаем наиболее технически вооруженной промышленностью, показывающей рекордные темпы развития, СССР все еще отстает от наиболее развитых капиталистических стран в отношении размеров производства на душу населения. Здесь скажется то, что в прошлом наша страна была экономически крайне отсталой.

Весть о созыве XVIII съезда партии Ленина-Сталина Советская страна ознаменовала новым трудовым подвигом. По этому Съезду развернутся социалистическое соревнование рабочих, колхозников, служащих, учителей и агрономов, ученых и писателей. Не случайно именно в эти дни столбы гадет густо трещали именами выдающихся строителей коммунистического общества, награжденных орденами и медалями Советского Союза. Вот на этих пунктах, на путях трудового героизма, стачковников творчества и новаторства во всех областях хозяйства и культуры будут одержаны новые победы коммунизма. Умножатся ряды ударников и стачковиков, десятки и сотни тысяч рабочих поднимутся до уровня инженерно-технических работников, станут интеллигентами. Завяжутся в сочетании с ситуационным идейным боржом за коммунизм даст невиданный производительность трудящихся. Нет сомнения в том, что задание третьей пятилетки по росту производительности труда — производительности труда в промышленности должна вырасти на 65% — будет ее только выполнено, но и перевыполнено. Великие задачи третьей пятилетки требуют от всех нас сознательного отношения к своим обязанностям, честного самоотверженного труда и помощи отстающим. Надо по-большевистски бороться за повышение уровня капитализма в сознании людей, за подъем культуры и коммунистической сознательности всего народа.

Первое в мире коммунистическое общество мы строим во враждебном окружении капиталистических стран. Имperialистическая буржуазия смертельно ненавидит нашу страну и готовит нападение на СССР. Могучий советский народ спокойно и уверенно будет возмущать по чертякам третьей пятилетки здание коммунизма, готовый в любую минуту ответить на нападение внешнего врага сокрушительным, засасывающим ударом. Могучий советский народ будет и впредь бесконечно давать и уничтожать троцкистско-бухаринскую шпионскую агентуру фашизма.

В исторический день XVIII съезда партии вояры миллионов людей обращаются к тому, кто привел советский народ к предельному коммунизму, к нему, к великому Сталину, несущему слова горячего приветствия товарищам, братьям, друзьям, товарищам. Ты исполнил свою клятву над гробом Ленина. Ты привел советский народ к победе социализма. Веди нас дальше вперед! Веди нас к полному торжеству коммунизма!

Безжалостная, немилосадная смерть вырвала из наших рядов героическую дочь русского народа, старейшего бойца коммунистической партии — Надежду Константиновну Крупскую. Она умерла как верный солдат революции, на боевом посту. Все свою жизнь без остатка Надежда Константиновна отдала своему народу, своей партии, беззаветной борьбе за коммунизм.

Товарищ Крупская начала славный революционный путь двадцатилетней дружбы с Владимиром Ильичем Лениным как его ближайший и любящий друг и соратник.

И всегда, на всех этапах революции Надежда Константиновна боролась бок о бок с Владимиром Ильичем.

В начале первой империалистической войны Ленин был арестован в Австро-Венгрии. Надежда Константиновна пришла вместе с Лениным в тюрьму, чтобы вырвать Владимира Ильича из тюрьмы. Несмотря на безнуху травлю со стороны буржуазии и ее прихвостней товарищ Крупская вместе с Лениным активно и бесстрашно боролась с социал-шпониатами, оборонцами. После февральской революции, когда Владимир Ильич вынужден был сбежать от ищущих Керенского и Филадельфии, Надежда Константиновна ездила к нему, переодерживая крестьянкой, устанавливая таким образом связь между партией и Лениным.

Надежда Константиновна искренне любила молодежь, боролась за ее коммунистическое воспитание, оказывала ей помощь в работе.

Начав работать в девятиклассных школах прошлого столетия народной учительницей

в вечерней школе на Шансальбургском тракте, Надежда Константиновна закончила свою жизнь на посту заместителя народного комиссара просвещения РСФСР.

Надежда Константиновна прожила большую яркую жизнь, пятнадцать лет из которой она отдала беззаветной революционной борьбе в рядах партии Ленина-Сталина.

Дожила до преклонной старости, была замечательной женщиной нашего народа, товарищ Крупская призывала: «беречь, как зеницу ока, победы социализма в нашей стране». Она призывала к беспощадной борьбе с троцкистско-бухаринскими изменниками, шпионами и диверсантами.

Выдвинутая кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР от Серпуховского избирательного округа, товарищ Крупская на одном из предвыборных собраний говорила:

«На мою долю выпало громадное счастье быть членом нашей большевистской партии, работать под руководством товарища Ленина, работать под руководством товарища Сталина... Сейчас, когда приходится присутствовать на целом ряде собраний и видеть, как сличены наши массы с какой любовью они относятся к нашей партии, с какой любовью они вспоминают Ленина, с какой любовью они относятся к товарищу Сталину, к руководству нашей партии, — в такие моменты, товарищи, я чувствую особую радость».

Смерть товарища Крупской является большой потерей для партии и трудящихся.

Светлый образ Надежды Константиновны будетечно жить в сердцах советской молодежи.

КОММУНИСТЫ МАКАРОВ

[Из романа «Теплые горы»]

В сумерках машина Пуствовтовой остановилась под окнами правления колхоза. Макаров медленно сошел по ступенькам крыльца, хотя ему хотелось бежать сломя голову. Ему казалось: сейчас секретарь райкома скажет ему, протыкая пальцем: «Мы ошиблись, и просиь созвать собрание, чтобы обсудить тебя и главах колхозников».

— Зарастуль, Макаров, — сказала Пуствовтовая, поднимая свою пухлую, в рельеф волостей ручку; трудно было отгадать, зачем: то в знак приветствия, то в знак, чтобы глубже надвинуть фуражку. — Народ собрался? Районный комитет партии решил сегодня рассказывать на собрании о твоих художествах.

— Я в любой день готов держать отчет, — сказала Макаров с растеряно.

Он хотел добавить, что не знает за собой никаких художеств, что это за чужие художества его назвали, но Пуствовтовая перебила его:

— В чем учитывать? На сегодня все ясно и без отчета. Мы поручили Веселову провести собрание как руководителю сельского совета. Я думаю, тебе не следует приходить на собрание.

У Макарова потемнело в глазах:

— Все-таки не три дня руководил колхозом. Мой интерес простой: отчитаться перед общим собранием и услышать критику в лицо. В уставе сказано.

— Мы тоже читали устав. И понимать устав может, уверенно тебе, не одна только Кузьма Ильич Макаров.

Пуствовтовая сделала знак шoferу, и машина развернула вперед.

Макаров вышел долго, отпустил жену на собрание, а сам остался дежурить около большого сенишника.

Восемь слез, оставшихся головой с подушки и высушен под одеялом коленку. Кузьма Ильич поужинал. Подсунул свернутую бумажку под подушку каминавшегося стола. Отгребнул фильм лампы. Больше он не мог найти никакого дела. Лег на кровать вши лицом. Лежал долго, безучастный, потерявший представление о времени, и только сердце в груди тонометрично билось.

С удивлением доносился голос сенишника собрания женщины. Макаров укривился с головой одеялом: он хотел скрыть свои нероживания даже от Поля.

Он слышал, как Поля вошла в кухню, как скрипели половицы под ее ногами. Он притворился сенишником, но Поля не вошла. Тогда он не выдержал и взглянул на кухню. Поля стояла около печки, слезы ручьем.

— Что еще случилось? — спросила Макаров тревожно.

— Выбрал... — ответила она еле слышно, — Лушка.

Поля покачнулась, потрясенная взрывом истерического плача. Кузьма Ильич долго ждал, пока она успокоится, и, в конце концов, вынул себя из комнаты. Больше он не мог найти никакой воды. Зубы ее дробно стучали по краю стола. Обессилевшая, она перешла в горницу и села на край кровати. Кузьма Ильич стоял у окна. Он долго молчал. Потом он спросил: много ли было народу. Она ответила тихим и безучастным голосом, что сначала в клубе было битком, а потом некоторые ушли, изданные тем, что сидели в президиуме. Пуствовтовой одернула всякого, кто заступался за Кузьму Ильича.

— А много было тактич? — спросил Кузьма Ильич с замедленным сердцем. Потом он спросил:

Поля отрицательно качнула головой.

— А ругали многих? — у него пересекло во рту.

— Ругали, — ответила Поля. — Кого и правильно укорил, все вспоминали.

— Ну, а Лушка-то как же? — закричала Кузьма Ильич. — Как же это можно? Где у вас глаза были? Он же вас всех по миру пустил! Вспомни приговорок! Эх, вы!

Сдержанная рыдания, из последних сил Поля проговорила:

— Ну, будто он до народа заболитный. И этот, из райкома, да его словечко замолвал. — Ну, у-у, замыкая Кузьма Ильич и едва не замкнулся на Полоу жуаком.

Надел сапоги, схватил фуражку, выжебал во двор. Но мать была некуда, и нельзя было что-нибудь сделать. Он опирался на чурбак в тени дома и присел под расцвету.

Рано утром Макаров выехал в поле. Он ехал, сидя на раме плуга, прижимая коленкой мохлявый куток, свободный поспевшая на радиомастных лошадей. Лошадь были не из лучших, но Кузьма Ильича это не огорчало: он знал, что и следует не меньше других и лошадей покарать. Да, только с этой уверенностью он и выехал право на глаза всех честного народа выехал в поле как простой плуга. Ночью он поглотил сено, вымерил отвал плуга, сменял колеса, проверил, достали ли задний кончик корма его лошадей. Теперь он ехал чера большой бугор открыто, смело. Встречался с односельчанами, приподнимая на голове своей старинный картуз и говорил пераий:

— Добро, дороль!

В виду озера свернул на черный пар. На седой от мороза траве копыта лошадей и колеса плуга оставили зеленый след. Выехал в конце указанного бригадиром загона, положил под кусток старый поджаконик, на котором дорожок сидел, и уезлок с хариами, замкнула над головой кончик, ласково прикрикнул:

— Э-ей, соколник! — окрылял он. Конки дружелюбно влегали в пострижки, валки попутчицы, безучастно пишущие волной ялился из-под плуга черная земля, сочная, яливая, с комками, перелетными корнями трав.

Издека лемех циркал по камню. Кузьма Ильич отставал от плуга, выфасывая камень на дорогу и шагал ладьяне.

К вечеру у него защемили руки, в особенности болевая мускулы больших пальцев: он слишком усердно сжимал поручни плуга. Кроме того болела шия: он отыкал колесо с наклонной головой. Но зато он занесла покойничка богатырем сном, казого уже давно не знал.

Макаров не избегал ни бригадных собраний, ни вечерних разговоров с односельчанами на бригадном дворе. А когда Лушка оповестил об открытии заседания правления с участием всех желающих колхозников, Кузьма Ильич пошел в туа.

Сидя столкувшись с Макаровым в комнате правления, шofer Винозика отпал его в сторону и спросил:

— А ничего, удобно тебе вообще на заседании приходишь? Я вот ударить в город решил, ну и приходишь?

— Об'ясн, в толь не возмю.

— Ну, вообще, был ты председателем, как бы, потер авторитета не получишь...

Кузьма Ильич покачала Лобанова по плечу: — Авторитет — не дитя малое: дрожать над ним не надо. Что я, воровать пришел?

— Ну, все-таки. И этот сит тут за столом сидит...

— А пусека язык и будет здорово.

Кузьма Ильич смело открыл дверь в предзаседельный кабинет, где уже плохо было видно сквозь панорамный щелк и вясная лампа моргала, как в колхозе, и присел на стульчик у порога. И до того удушительно собачь приятно. Пожалуй, несколько уже лет он не сиделся так уютно, на корточках, а когда-то, особенно в годы коллективизации, просел в этой позе не одну ночь. Он закурил, загнул язык теплым толчком в нетерпеливо подал в дверную щель.

Колхозники толками друг друга в бок и оборачивались в его сторону. Лушка метула на непрошеного гостя воронатым взглядом и отвернувшись.

Он говорил о предстоящем распределении доходов. Говорил он скрупулезно, складно, как с стороже секью лесниковой, было, чулки вмяли: петлю за петлей, петлю за петлей. Наговорил три короба и все было по делу, а помялся Кузьма Ильич представить себе, что же сказано, — и вазане лесниковое расплоскало как наутра.

— Вот у меня есть колхозник, — сказал Кузьма Ильич, раздвигая о сапог носок панорамы. — Сколько же примерно прилетит на трудодень, как смотрит новое направление?

Лушка ответил, что сейчас гадать рано, что должно вылететь, поэтому что намест и несчетья воронала колхоз. Каждому ясно было, что он намекает на падеж овец, чьяля тем самым стбить у Макарова охоту соватся с воронкой. Но Макаров, к обмону: удивленно, пошел наперед.

— Что за напаст? — спросил он.

— Напаст? — предостерегающе взглянул Лушка, но Макаров не ответил, потому что намест и несчетья воронала колхоз. Каждому ясно было, что он намекает на падеж овец, чьяля тем самым стбить у Макарова охоту соватся с воронкой. Но Макаров, к обмону: удивленно, пошел наперед.

— Напаст? — предостерегающе взглянул Лушка, но Макаров не ответил, потому что намест и несчетья воронала колхоз. Каждому ясно было, что он намекает на падеж овец, чьяля тем самым стбить у Макарова охоту соватся с воронкой. Но Макаров, к обмону: удивленно, пошел наперед.

— Известно, не стоит, зачем в ступе воду толочь, — раздалось несколько голосов.

Теперь Кузьма Ильич встал:

— А я думаю, не очень так гадать будет, товарищи колхозники, если мы станем закрывать глаза. Лучше уж тогда сказать не пеще, чего на заседании делать! А уж если пришел, надо бы все обсудить: какие задачи. Большой ли от них успех, много ли придется скинуть с трудодня?

— Убиток сейчас не подвешивать, — перебил Лушка, — стадо зарежено, его жнет, что с ним будет.

Макаров уступил.

— А чего с ним несомненно будет? Нет больше палежа, — значит, можно не допустить.

— Легко тебе, товарищ Макаров, чужими руками шар загребать? — возразил Лушка.

— Обо мне разговор особый. Тут про доходы спор идет.

— И то правда, — поддержал Тимофеев. — Что ж, овецте теперь на покарку пошла.

Тут поднялся шум.

— Пошли, пошли, успевай шкурку сдирать! — кричал кто-то.

— А кто додумает? — возразил другой.

— А кто додумает? Нам на собраниях сказано, кто допустит?

— Кто прежде допустит, ответит, а шерсть тоже спуску никому не будет.

И пошло, и пошло... Размеры ожидаемых доходов так и не были выяснены, но зато был достигнут неожиданный, совершенно особый результат. У колхозников вдруг размялись и мысли и язык, пока колхозники общались, вновь почувствовали себя уверенней.

Взрос Макарову не дали лошадей. Сказали, что в первую очередь должно распрямление не допустить ему никакой роли.

.....

Бездеятельность и постоянное томительное ожидание довели Макарова до бессонницы. Обычно к вечеру он чувствовал сильную, не

* Полностью роман С. Крушинского печатается в журнале «Повесть и мир».

привычно усталость. Смыкались веки. Он дожидался в постели, не дожидаясь ужина, и мысленно засыпал, но через несколько часов проснулся от беспокойного сердцебиения. Поворачивался на другой бок, закрывая голову одеялом. Но сердце продолжало биться. Делать он не и не ждал, когда он призвет их, они уже терали его мозг. Возможно ли, мысленно ли, чтобы его не восстановили в партии? Он поворачивался на спину. В стесненную грудь выливался прохладный воздух. На некоторое время мысли получали обратный ход. Утром почтальон принесет письмо — вылов в райком. Ему возвращено доверие. Он снова отдает все силы делу партии, единственному делу, достойному человека.

Ему представлялись отдельные моменты заседания, на котором он будет восстановлен, новые успехи колхоза. Но вдруг... проблеск действительности, и он оказывается в простоту, как человек в горах, неосторожно упавшийся за ненадежный камень. Например ему представлялось: вот он пришел читать партийный членский закон, раскрыл красную книжечку... Но где она, где красная книжечка?

В полночь постучались в окно ногатами, тучно талыми речными по стеклу. Кузьма Ильич встал с постели, приподнялся носом и сбросил в стекло, с трудом распознал в непроглядной темноте широкую, прямо из-под каргуды, в стороны разросшую бороду Тимофеевича.

— Пошли сюда на минутку, дело есть, — пригласительно били тот.

Кузьма Ильич наскоро на плечи плащ, сунул босые ноги в калоши, вышел.

Тимофеев вошел в сени, прикрыв дверь: — Плохо дело, Кузьма Ильич. Пойдет все добро по ветру...

— Не в ту дверь попал. Ты же сам член правления, вот и беритесь.

Тимофеев обиделся: — И то ладно. Тебе с горы видней. А только и не для себя: для твоей да для общей пользы.

— А зачем тебе моя польза? Говорит, ты сам первый за нового председателя выставил на собрание. Хотим, мол, председателя поспирнее. Так, что ли?

— Эх, Кузьма Ильич, и на старуху бывает проруха. Обищи. Винош. Разорит нас новый председатель, право слово. Вечерась зашел я и омшаник, там грибок по всем стенам, ося хуذة, на полу лежу, хоть карасей пущай. Что

за оказия? Это же пчелы все чисто погинут! А новый-то пчеловод мне: вредительство, говорит, было. Все, говорит, через Макарова — это, значит, через тебя — страдам. Я вечером на правлении говорю: «Сам поддал облобо-вать, очень было сухо, холодно и не слишком тепло, не должно быть в нем грибка».

— Ну, а председатель?

— Знай, гнет свое. Кругом виноваты ты да я. Нависли акт, поилот следовательно... Без тебя уж три составили. Одним дохнут, сберу пропадет — полное разорение!

На другой день до Макарова дошли еще и другие неприятные новости. На пленарной конференции стали прихрамывать лучшие кобылки. Под седельку у нее задудли пузыри... Опиди... И этот грех валили на его, Кузьму Ильича, шехо.

И вот он спать пошел в горой, в райком. Вид знакомого дома привел его в волнение. С удивлением ступал он по деревенским самотканым дорожкам, разостланным на краешках досок.

Когда он сидел в приемной, в коридоре послышался голос Семина.

— Сейчас, сейчас забегу, — отвечал кому-то председатель райисполкома своим любимым голоском.

Макаров выпрыгнул и взял со стола газету. Этот человек подбил его кушить в совхозе овец, а потом от всего отказался. Макаров не хотел разговаривать с подлодом. Но не такой человек был Семин! Он добивался расположения даже тех, кого с тайным наслаждением толтал ногами.

— А, Кузьма Ильич, давянько ты не показывался! — воскликнул он, оставившись в двери и приняв какую-то бумажку, с которой дотнал его инструктор.

Кузьма Ильич промолчал. Семин моментально сообразил, что этот игривый тон не подходит, и продолжал со скорпим участием:

— Вот уж не повезло тебе, так не повезло! Что, говорят, — он горько улыбнулся и протянул свою глиняную холодную ладонь, — говорят, некоторые уже и за руку не здороваются с тобой?

Они были одни. Вся немаякая злорада всколыхнулась в Макарове. Он даже почувствовал слабость, лихорадочный жар разлился от затылка до поясницы.

Держа в обеих руках развернутую газету, он сказал:

— Да я и сам не всем подаю руку.

Толко безграничная и подлая трусость помешала Семину ответить на эти слова. С лицом, заливающим кровью, ушел он в кабинет. Пустовитов целый день продрался Макарова в приемной, а в заключение не придал его рассказу о безобразиях в колхозе никакого значения: он считал, что Макаров только шлет предлога для встреч с ним.

— Ужас ошибаться, — сказала он иррационально, — умей с достоинством перенести наказание. У нас нет причин опираться выбор общего собрания. А если действительно в колхозе появятся неполадки, мы услышим. У нас есть и колхоза свой, заслуживающий доверия актив, — он понял, что переборщил, и продолжал без высокомерия: — Ты, Макаров, злопыхатель-стучащий, а партия добра тебе хочет и еще не отказывается от тебя окончательно. Почему ты не уезжай? Мужик ты грамотный. Поступай бы куда-нибудь на службу — на элеватор или еще куда, — показал бы себя на деле, а тогда, действительно, имел бы право торопить обком с разбором апелляции...

— Нет! — твердо сказал Макаров. — Я никуда не поеду. Мне совесть не позволяет забыть колхоз на разорение. И колхозник, когда одумается, не простит бы мне этого.

Вот оно что, — нарвался проговорил Пустовитов, в свою очередь теряя самообладание; он никогда не разговаривал στο, потому что это было слишком маленького роста герда при этом величавый вид, но на этот раз он встал... Так, так. Значит, ты сколачиваешь группочку для борьбы с партией?

— Нет, — сказал Кузьма Ильич, тоже встав и слегка наклонившись через стол. — Я наблюдал, как люди, говоря обман, инту попят отстоять колхоз от... развала. Большевикская совесть не позволяет мне убежать от них.

— Ты анархист, а не большевик! — прогрел Пустовитов. — Ты хочешь сам-истолковать интересам партии, как твоей левой пятке нравятся. Не выйдет, гражданин Макаров! За такие фокусы знаешь, что бывает?

— Как хотите, — повторил Макаров, — а из колхоза я не уеду.

Когда он проходил по коридору райкома, его оклинули из боковой двери Зайцев, Макаров качнул бумагу, стоял над книгой портфеле стаян чю.

— У Пустовитова был? Макаров вздохнул и промолчал.

— Вот у меня есть вопросы, — сказала Кузьма Ильич.

— Ну, что он тебе сказал пошеюкого? Од-
нако и скратый же ты стал.
— Мне скрывать особенно нечего, — возразил
Макаров резко.

Обида так и бродила в нем. Своими просты-
ми человеческими словами Зайцев, сам того не
зная, разбередил ему сердце.

У меня всегда перед партия душа от-
крыта, а вот, что со мной делают, этого я не
попы. —

Только теперь Зайцев понял, как сильно Ма-
каров виноват. Он взял газету и просмотрел
несколько подшивек к иллюстрациям. Макаров
тем временем несколько успокоился.

Что нового тебе сказала Пустовойто? —
спросил Зайцев к Кузьме Ильичу.

— Уезжайте советует, — криво усмехнулся
Макаров, глядя в пол.

Зайцев свернул газету.

— А насчет актива ничего не сказал? Стран-
но. Может быть, по забывчивости? — после ми-
нутаго колебания Зайцев продолжал. — А тебе
можно и даже необходимо знать об этом. Од-
ним словом, надобно было собрание партийного
актива и целый ряд товарищей выступил на
активе по тому вопросу, в твою пользу. В
том смысле, что ты ни в чем не виноват, ка-
жется сомнительно. Постановления по этому
поводу не принимали, но выступления в прото-
коле записаны. Говорю тебе об этом azért,
чтобы ты, когда будешь еще раз писать в
местные издания, высказался на собрание
актива. Кто именно и что говорил, тебе необа-
зательно знать, пусть затребуют к тому делу
протокол. Кстати, я все собираюсь спросить
тебе: кто ты дуэпант о Семине?

— О Семине и ничего не могу сказать, —
Макаров принижен, но будто ли признался его
слова метильному чувству, и решил говорить
то, что думает. — Я вот думал, что знаю его,
а оказалось, ни капли не знаю. Этот человек,
ну как бы сказать, с секретом.

И он еще раз рассказал, как по распоряже-
нию Семина едва не распался и залитые дугой
колхоза, как Семин и директор совхоза подсу-
нули ему зарезанных овец, Зайцев дал Кузь-
ме Ильичу листок, в котором он делал так же
акратно описать всю историю, не обходя и ро-
ди Семина и Пустовойто в ней.

— Я завтра еду в область, буду там у одно-
го товарища, — обяснил Зайцев.

Сын просидел долго. Макаров рассказал о
своей жизни, о колхозе, о колхозе, о колхозе.
Последних месяцев, но уходить ему не хотелось.
Он так истосковался в своем вынужденном
одиночестве, так устал от постоянного нервно-
го напряжения, что теперь, встретившись с че-
ловеком, который заговорил с ним просто и
с сочувствием, он не в силах был встать и
уйти. В конце концов удалось то, чего он
ожидал: в комнату заглянул Пустовойто. Он
спросил о новом рабочем переключении. Он
стал рядом с Макаровым, но с таким видом,
точно то и на свете не было.

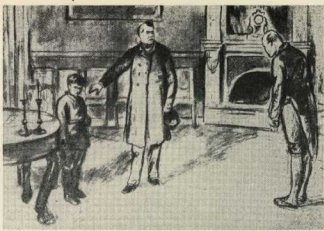
— Между прочим, ко мне вот зашел Кузьма
Ильич, — заговорил Зайцев, когда Пустовойто
уже собрался уходить. — Скажи, как за-
держивают ему выдачу хлеба на трудодни, а
не дают работать как рядовому колхознику.
Пожалуй, это противоречит уставу сельхозар-
тели.

— Макаров давно пора вернуться за мной и не-
торопь там, где он мешает делу, — сказал Пу-
стойтов, попрощавшись словно бы не замечая
Кузьмы Ильича.

— Это — другое дело, — спокойно возразил
Зайцев, — во там пытаются лишить его без за-
конных оснований своих неограниченных приви-
лежий.

Об этом успевем поговорить в другое
время, — раздраженно перебил Пустовойто, по-
ворачиваясь к двери.

Зайцев стал перебирать бумаги. Макаров по-
нял, что оставаться долгие значило бы на-
прямляться на разговор о поведении Пусто-
войто, в таком разговоре Зайцев не участво-
вал. Он попрощался с Зайцевым и вышел из
рейска, больше чем когда бы то ни было
уверенный, что никакая сила не оторвет его
от партии, что он вернется в рай, как бы
ни исключались некоторые из него, добивав-
шиеся обратного, что сами эти людочки будут
привлечены к позорному столбу.

Т. Г. Шевченко — казачок у помещика Энгельгарта.

С рисунка худ. Исаевых.

ЮНОСТЬ ШЕВЧЕНКО

МИХ. ЗОЩЕНКО

I

Отец Тараса был крепостной помещика
Энгельгарта.
Сам старик Энгельгардт, Василий Ва-
сильевич, был богатейший человек — у него
имелись обширные земли на Украине. Это
был дворянин барин, племянник прославленно-
го князя Потемкина.

Он был уже весьма стар. И жил на покое,
вспомнившая прошлые дни своей блестящей
жизни.

Этот и был тевереший хозяин и властелин
Тараса.
Вернувшись из села Хлебновского в свое
родное Кирилловку, Тарас стал распроши-
рять своих одноклассников, как он должен по-
ступить для того, чтобы ему дали разрешение
на учебу у маляра-живописца.

Что-то новое вошло в жизнь тринадцатилет-
него мальчика. Он видел много — видел
горе, слезы, лишения и поби. Но ему не при-
ходилось еще выступать в жизни в качестве
взрослого человека, который должен был об-
ращаться к помещику с личной своей прось-
бой.

Впрочем, речь о помещике и не шла. По
словам кирилловских крестьян, мальчику сле-
довало обратиться всего лишь к управляюще-
му имением, так как старей барин в такие
дела не вхолил. Это — слишком мелкое дело
для того, чтобы тревожить покой старого Ва-
силья Васильевича.

Однако для Тараса и это дело казалось не
таким уж простым.
Не без робости отразился он в имение
Олышаны, где находилась контора.

Робость и застенчивость исчезли, когда Та-
рас заговорил о своем желании учиться маляр-
ному делу.

Теперь перед управляющим стоял смелый
и толковый подросток, который весьма
деловито и обстоятельно излагал то, что ему
нужно.

Эта деловитость и бойкость неожиданно
понравилась управляющему. Но в этом и таи-
лась беда для Тараса.

Управляющий, еще раз внимательно огля-
дев Тараса, сказал, что вот как раз такой
подросток, как Тарас, ему и нужен. Малярное
искусство — это блажь и прихоть, а это дела
повыше этого. Вот только что из Вальдо
пришел приказ от молодого барина Павла Ва-
сильевича Энгельгарта забрать способных и
толковых подростков, поучить их и прислать
к нему для комнатных услуг, для кухни и
для колхозника.

И теперь, глядя на Тараса, управляющий
решил в своем уме в числе прочих набран-
ных подростков послать и Тараса.

Никакие просьбы Тараса делу не помогли.

* Из повести «Тарас Шевченко».

Управляющий с неудовольствием смотрел на
мальчишку, который, кажется, осмеливается
высказывать свое мнение и даже, кажется,
весьма резко, если не сказать грубо. Еще не-
достаточно, чтобы крепостной паренек выказал
свою презирая и изменил намерения управле-
ющего. В таком случае надо будет его хоро-
шенько обещать, прежде чем послать моло-
дому барину.

Управляющий сказал, что он пока что за-
числяет Тараса на барскую кухню. Пусть там
мальчишка подучится, как надо жить в гос-
подском доме. И пусть главный повар решит,
есть ли у подростка способности к кухонному
делу.

Тарас стоял перед управляющим, с трудом
повиная, что происходит.
Он пришел за бумагой, за разрешением по-
ступить в ученики к маляру — и вот теперь,
вместо этого, его берут в число господа-
дворян и посылают на кухню.

Это был ужасный удар, даже катастрофа.
Первая мысль Тараса была бежать. Но он
знал, что от это бывает. Он знал, что безжал-
остный порог и посылают в тюрьму и в сол-
даты.

Какжется, впервые Тарас почувствовал само-
неволю, свое рабство, свою беспомощность.

Управляющий не нашел нужным слишком
долго беседовать с подростком. Он позвал
главного повара и велел ему принять Тараса
в качестве ученика, с тем чтобы хорошенько
обещать мальчишку и сделать из него челове-
ка, полезного для господского дома.

Тараса принесли, подстригли ему волосы и
приказали ходить бесшумно и приличной до-
ходкой, без подкашивания и без размазыва-
ния руками. Громкие возгласы, крик, стук
посудой или смех — все это было не дозволено
и считалось неприличным в господском доме.
Главный повар Павла, толстый и староват-
ый человек, энергично приступил к воспитани-
ю подростка.

Целые дни теперь Тарас проводил на кухне:
он мыл посуду, выносил помоя, выгребал золу,
чистил картошку и выполнял всякие мелкие
поручения повара.

Все это было до крайности скучным и одно-
образным. Все вылилось из рук Тараса. Его
охлаждала чужеземная тоска, когда он думал,
что это будет и вперед так продол-
жаться.

Повар был сердитый и раздражительный.
Шевсир говорил, что не надо биться то-
щими лезвиями. Но этот повар составлял, види-
мо, исключение. Он драл Тараса и староват
и награждал его затрещинами. Его раздражал
нерадивый ученик, который то и дело давал
стрелочку, убаюки в сад, то в поле.

Была весна. Золотились поля. Пошвыняла
колосочками, шип короны. Пастушок хлю-
пал длинным бичом.

Как много дал бы теперь Тарас, чтобы снова быть таким настулом, чтобы снова шнырять по полям, чтобы не слышать рассудительных речей на кухне и сдержанной окриков повара.

Правда, жизнь Тараса немного скрапшилась тем, что он сумел тут набрать всякого рода картинок и карточек. У него собралась тепличная коллекция любовных рисунков. И это доставляло ему радость и утешение.

Воспользовавшись свободной минутой, он убежал в глухой уголок господского сада и там, на сухих деревьях, устраивая выставку, вывешивая свои рисунки и карточки.

Повар жаловался на Тараса. Он сказал управяющему, что присланный на кухню мальчишка есть в махорке, вставил доллар, и бездельник, что являл им вообще является каюльдо деадо, к которому этот подросток будет способен, и что на кухне он не только не нужен, но даже нависает тучной и главной причиной ухудшения здоровья повара.

Неизвестно, как сложилось бы дело, если бы молодой барин не записал в срочном порядке прислать нужных ему подростков.

Молодой барин прожил в Вильно. Для дворянской его жизни ему требовалась вышколенная дворня — расторопные лакеи, казначии для комнатных услуг, красивые горничные и легкие курьеры. Вышколить такую дворню можно было лишь в городе. И вот порою подросток надлежало отправить в Вильно.

Управляющий Дмитрию списавшим порядком собрал молодого гвардию и со списком отправил ее в Вильно.

В этот список числился и Тарас, против фамилии которого стояло примечание: «Слободы к малорусу».

II

Молодой барин Павел Васильевич был несомненно сыном престарелого помещика Энгельгарта.

Он состоял адъютантом у фельдмаршала Римского-Корсакова, который был в то время великим губернатором.

В свои тридцать лет он был уже полковником лейбгвардии уланского полка.

Его блестящая карьера была создана немощью всего его способностям: он преуспевал в жизни благодаря своему родству, фамилии и богатству. Весьма энергичный и влиятельный человек, хитрый и по духу коммерсант, он уверенно шел по дороге звания. Многоисчисленная дворня молодого полковника ютилась во дворе, в хибарках, позади роскошного дворянского особняка.

Безъездной командовал доминировавший поповщина — человек весьма энергичный, распорядительный, робкий преданный своему господству.

Приняв список и осмотрев прибывших, он потчас определил обязанности каждого. Тарас

он назначил комнатам «казачком». На отметки в списке управяющий просто не обратил внимания. Ни в каком воображении, конечно, не могло быть и речи.

Несколько дней Тарас проводил в «кристианский вид». Его одели в полную подделку с красным поясом. И обучили несомненно его обязанностям. Тарас должен был сидеть в передней на диване. По верному слову барина ему следовало бесшумно войти в комнату и ждать представления.

Привыкая было немоточисленно — главным образом под халат, туфля или трубку. Остальные обязанности также были несложны: доложить о приходе, принять сброшенное. Впрочем, главнейшая обязанность была сама нелегкая, это — безмолвно сидеть на диване.

На вопрос Тарасу надлежало отвечать отрывисто и кратко: так точно-с, никак нет-с и не могу знать. Все остальные слова запрещались или не рекомендовались.

Итак, у Тараса началась новая жизнь — комнатного лакея, «казачка».

Для подвояжного характера Тараса такая должность была мучительная. Но барин, к счастью, редко видел дома. Бальм, перера и бивачки бывали чуть не ежедневны. И Тарас, оставшись один, мог заниматься чем ему вздумается.

Новый казачок не то чтобы поправлялся молодую полковнику, скорее, полковник даже не замечал его, для него это был, в сущности, не человек, не живая душа, а попросту — предмет комнатного обихода, к которому можно привыкнуть или, наоборот, выкинуть его, если он неинтересен.

Так вот к этой вещи, к этому предмету, полковник привык. И был к нему до некоторой степени милостив: он позволял крепостному казачку прикасаться губами к своей вышесказанной руке благодетеля, как это требовалось по неписанному закону крепостного права.

Натура полковника была весьма деятельной. Он нередко уезжал в Варшуву, или в Петербург, или на дворянские выборы в Киев. В свои путешествия он стал брать Тараса.

Но Тарасу наиболее всего нравилось, когда он оставался один, когда барин уезжал на какое-нибудь дело. Тогда Тарас со способной душой шнырял по барским комнатам, светел, пол украинские песни и занимался рисованием, к чему он не остыл, а, напротив того, с каждым днем чувствовал все большую склонность.

«Коллекция картин» Тараса возросла. Теперь в его коллекции появились всякого рода открытки и любительные рисунки, которые Тарас, не стеснясь, брал на постоялых дворян и где придется показывал.

В отсутствие барина Тарас располагался за

его столом и рисовал в свой альбом картинки и рисунки, вывешивая на стенах комнат.

Однажды барин, вернувшись в полночь из гостей, застал Тараса на месте преступления. Тарас, увлекшись рисованием, не услышал, как барин гладил его по щекам и поднимая по лестнице во второй этаж и как он вошел в комнату.

Тарас, распложившись в кресле, растекаясь своим ковшиком с картинками «Атлант Платон».

Скрип половицы вернул художника к действительности. Тарас вскочил с кресла. Перед ним, в двух шагах, стоял полковник, разгневанный и обеспокоенный.

Отрок сальной свечки осветил этот сцену.

От гнева и раздражения полковник сначала отбилел. Мало того, что он увидел, как полковник сидит за его столом, он посмел даже свечку, от которой мог сорваться его дом, его имущество.

Полковник несколько раз ударил Тараса по лицу и, схватив за ухо, выкинул казачка в переднюю.

Утром полковник не остался от своего гнева. Он отдал управяющему распоряжение — выдрать Тараса на конище, что этому паренюк хорошею запомнилось, что он такой и каковы его первые обязанности. Три курьера совершили экзекуцию. Один сидел за нога Тараса, другой на плечах, третий курьер стегал розгами.

Тарас амальма наказание без слез и без стонов, хотя кровь текла по его обожанному телу.

Это считалось — поучить человека, чтобы он не увлеклся несоблюдением ваттванизма.

Тарас ожидал перемены судьбы. Он ожидал, что барин отойдет его в деревню или переведет на другую должность. Но этого не случилось. Через несколько дней Тарас снова занял место в передней.

Однако управяющему полковник сказал, показав рисунки Тараса, что мальчишук, пожелав, ядро было бы отдать в науку к японскому, что, судя по рисункам, он выказывает большие способности и, что не следовало бы забывать, что цена крепостного совершенно явля, если он в чем-либо достиг какою-нибудь степени. Сейчас Тарас стоит из рубашки треста от силы, а если его обучить, то он будет стоить не менее тысячи.

Коммерческий суд заставил полковника поспешить с этим делом. Он побоялся у профессора японского, который преподавал в вилдеском университете, и показал ему рисунки.

Профессор японский одобрительно отнесся к рисункам Тараса и сказал, что подростка следовало бы отдать в ученье.

Полковник велел доминировавшему поповнику для Тараса учиться...

Г. Г. ШЕВЧЕНКО

***

Когда б вы знали, господа,
Где плачут люди, где когда
Своих вымядл не творили б,
И бога всуе не хвалили б,
Не умядился бы всегда!
За что, не знаю, за что ж,
Мужичку хату божию раем...
Там, в хате, мучался я и,
Там первая слеза моя
Когда-то пролилась. Не знаю,
Убогой хаты в таком же,
Что в хате той бы не жило?
А хату раем называю!
Ее не назыву я каюльдо,
И песней скорбей переживаю,
В свое дитя. Я в хате той
Не счастье и не рай святой —
Я ад узнал в ней... Там забота,
Труд, ивья и работа,
И попольно и работа,
Там ласковую мать мою

Свела в могилу молодую —
Труд с немальною нуждою;
Стед поплавал, и тот раем
(Мы, дети, были малы, гола) —
Но панщина зря тяжелой
Носила не долго он и сам.
Мы, как вымядл, из двора
Все распользлись. Трудились для шкоды,
Таскала и воду шкюларям,
Покуда братьям ям забрили,
Они на паншину ходили,
А сестры... Сестры! Горе вам,
Мое гоубоки молодое!
Кула, бездомный, вам лететь?
Росли в батрачках, всем жуеже,
В батрачках до седин дожили,
В батрачках вам и умереть!
Дрожу, когда лишь вспоминаю
Ух хату на край села!
Также, боже наш, дела
У нас в раю, страшней не знаю
На праведной земле твоей!
Ад сотворила мы на ней
И чья несемного рае!
В яду мы с братьями живем,
Руками братьев яны живем
И их сезаяны поживем.

А может, счастье не утверждало,
Мне кажется лишь сам есе
(Ведь без твоей же воли, боже,
В раю нам мучиться не гоже!)
Быть можно, сам на небеси
Смешаться, отцу и брату, рае?
Совет дерайе таяком с нами,
Как править миром? Гьянь туа:
Воя вилдья, вербу у пруда...
Савоу жиндья, за святость,
За янныи тыи дела?
Нет, боже, не хвала, не радость,
А кровь, да слезы, да хула,
Хула змеу, всему! Не знают
За янныи тыи дела?
Нет, боже, не хвала, не радость,
А кровь, да слезы, да хула,
Хула змеу, всему! Не знают
За янныи тыи дела?
Уже — тыи слышнню! — проклянуот
Тедь, владыка, самого!

1880 г.

Перевод А. Глоба

Большая Медведица

Он первый раз ехал на юг в это время года, и уже в Туусе, когда о зиме напоминала только комочек снега, встретившись в углубках наружных рам вагона, он совсем не отходил от окна, за которым белела стена красного кустарника, а в прорывах слышал море. На одной станции, зажатой между высокими зелеными склонами, поезд стоял дольше обычного, и все говорили, пришедшие выжидами: «Вот это да! Вот бы где пожить! И ему тоже понравилась земноводная земля лошадь, и он удивлялся: «Как называется эта станция?» Проводник сказал: «Мис Датог. Тогда он начал поспешно засовывать в чемодан мялунку и подстелешку, потому что это как раз была его станция.

Некоторые время его подошвы шаркали по бетонному перрону, обжигались с двух сторон пальцами, потом он стал поднимать носком ботинка круглые белесые камешки, совершенно такие же, какие привозят курортники в мешочках домой на память о юге, а здесь — подуть только — этой галькой посыплют песок. Сбежав с настилом, он пошел берегом моря, подходя к воде так близко, что набегавшие волны мочили его ботинки, хотя он и отскочил в сторону. Поднявшись сюда, он успешно изрядно превзошел ему спину сквозь толстое пальто, пока он добрался до рыбачьего поселка, разбросанного своей домной по узкой песчаной косе между насыпью и берегом моря.

Хозяин крайнего домика, стороживший что-то на верстаке, устроенном во дворе под огромным выжаренным деревом, сбросил работу, чтобы показать комнату, которую сдавал в наем, и спросил, не будут ли мешать квартиру летки. Вместо ответа тот улыбнулся, сказал, что детей он любит и не будет им, изобретог, он сам мешать им, и тогда улыбнулся до конца.

Домик был занят с трех сторон насыпью, речкой и берегом моря, и ему очень нравилось такое местоположение: из одного окна можно было следить за быстрым течением горной речки, дождавшись, когда ветер погонит косяки рыб к берегу, и долго с неудовольствием смотрел на жер рыбачков: зачем они устраива-

ют против своих домов частокотлы на крутизнах вальнуго? — пока не догадался, что во южных дачных шпорок южным далеко занимают берег.

Когда фронты у моря надоело, он забрался на высокий обрыв, который начинался сразу за домиком стационных служащих, крытым красной черепицей, дач по глинистой, выбитой ногами дорожке вверх и часами сидел на телом, удобной формы камне. Вдали сквозь легкую фиолетовую дымку сверкала белая кубина курорта, море было похоже на корку испеченного зеленого аруба, а по узкой береговой полоске тянулась линия Черноморской железной дороги, и где-то далеко, наверху, около самого Сочи, висел изурядный дымок паровоза. Когда запыленные крыши вагонов с пиками вентиляторов и крутящимся от ветра колпачками воздушного винта вагонов-ресторана проходили вверху и клубы белого дыма, разрываясь и тая в воздухе, достигали верха обрыва, донося до него привный, вьюнощный запах створенного угля, он вставал с камня, шел в горы дальше, разгребая ногами шуршащие листья, и как-то ползущие растения цеплялись за пальто пальто, и он искал хорошую палку с кривым сучком, чтобы повесить за спину тяжелое пальто. По обрывам скакала худые козы, искавшие прошлогоднюю траву, и кусты по-весеннему галдели птичьим, и он помытно гугал на солнечных полянках коряк ящериц.

Он сидел на широкой пень так, чтобы между деревьями было видно море, вынимал из кармана томику любимого норвежского писателя, который так хорошо писал о своих дачных штатниках. Под ногами пылали скалы-то неизвестные насекомые, и ветер порывами доносил шум моря, похолодный на шум подхожащего к станции поезда.

Как-то ночью выпал снег, и знакомый пейзаж неузнаваемо изменился, напомнив ему вид Швейцарских Альп из учебника географии. Стационные мальчишки с наслаждением съезжали на санках с насыпи, а молодой начальник станции длинным шестом срезывал морской снег с широких листьев пальм, чтобы он не сломался от неправильной грузы. Из-под снега забавно торчали розовые и голубые головки фиалок, маргариток и еще каких-то цветков, распустившихся недавно. И ему все это показалось катастрофой, если, повидному, установившаяся погода, не издалека, что за темными морскими туманами скрывается горячее солнце, но в середине дня солнце вышло и сразу вернулось тепло. Только по крышам

дальних горных хижин, ставших теперь залестными, да белым пятнам в облаках и лошадкам можно было догадаться, что утром шел снег.

Нет, он был очень рад, что послушал другой и не дождался в дом отдыха: никогда он так полно не отдыхал, хотя был на юге не раз. Только в дождливые дни, по вечерам, он не знал, что делать, и лежал на кровати, слушая из-за перегородки бесконечные истории, которые рассказывали соседи.

Когда все умоило, он подолгу не мог уснуть и выходил провозвотать ночной экспресс, проносивший мимо маленькой станции так быстро, что ажбуры настольных ламп в мигких вагонах образовывали сплошную зеленую полосу, а потом спускался к морю и смотрел на мерцающие огни побережья. Одна группа огней выгнутающаяся дугой побережья особенно занимала его, так как белые точки составляли созвездие «Большой Медведицы» — ковш с изогнутой ручкой, — и только правая звезда внизу ковши отсутствовала. Каждый вечер он первым делом смотрел, не заглохла ли эта звезда, и догадал ковшу: случайно или нет береговые огни составили созвездие?

Отсутствие ли знаков или вынужденное безделье были тому причиной, но эти огни так сильно занимали его, что он мог часами раздумывать, где они находятся и как зажечь недостающую звезду, чтобы созвездие совершенно походило на «Большую Медведицу». Но когда он днем пытался выписать местоположение огней, то его глаз терпели среди белых кубиков дач санаториев, очертания которых ничем не могли напомнить ночного созвездия.

Он решил обязательно найти эти прожлятые огни, и однажды вечером, когда дача вышла луна и зашла светом седенным, он зашагал вдоль и зашел береговой полоской. Справа высились горы, а слева спускался холмы, и на спадах от лунового света блеснула капля мазута, а время от времени он спускался вниз, к морю, посмотреть, видна ли его «Большая Медведица», но огни словно дражили его, не желая приближаться.

Только когда огни начали смещаться, он понял, что приближается к нужному месту. За одним из поворотов, на горе, он увидел освещенные окна санатория, впереди темнела Медведица, над которой нарисовал белый резной ивас одноголовца, и он решил, что это здесь.

От платформы в гору вела широкая каменная лестница, около нее была укреплена вы-

веска «Санаторий № 137», и он присел отдохнуть перед тем как подниматься вверх, но куда мимо с ревом промчался ночной экспресс, — он решил, что санаторий идти поздно и лучше пойти сюда днем.

На другой день утром он направился в ту же сторону и идти было гораздо интересней. Белая вертикальная полоска на скале, которую они издали принимали за свисающую мочалу, оказалась настоящей, хотя и небольшим водопадом, и железная дорога была вырезана в склоны горы, так что обманчивые корчящиеся пласты породы, похожие на изрезанный кокс, вылезали с правого берега, а с левого — вот-вот сорвется какой-нибудь камень.

Неожиданно быстро за поворотом оказался пустынный перрон с низкими белым навесом. Он начал медленно подниматься по каменной лестнице мимо вывески санатория № 137 и, выйдя на платформу перед зданием, воздвиг надоблавышиши шириной открывавшие восточный ветер, стал искать нужные форяки.

К главному корпусу санатория вела выкопанная автомобильная дорога с пылью фортранными колеями, на которых сверкали белые матовые шары, и он воскликнул: «Ага! Это она и есть!» — решив, что эти шары обдают ручку и верх колеса его «Большой Медведицы», но шарик не мог покатиться, как это получается если колеса, пока не догадался, что две нижних, несколько ближе поставленных «звезде» — не то иное, как два она выдающиеся вперед главного входа санатория. Правое окошко было оклеено большими деревьями, и он, подойдя к столбу, стал смотреть на море, и когда вдалеке, в туманной дымке, разглядел белые тона посёлка Мисса Даго, то понял, что сонный не может бегать, как эти огни санатория видны оттуда. И сказал вслух:

— Ну ясно: это дерево мешает!
— Чем оно вам мешает? — неожиданно спросил спокойный железный голос.

Он поднял глаза вверх и заметил, что на окошке первого этажа, обвив колесный орудий и держа книгу в другой руке, сидела в позе старой спятившей майки. Он успел мельком заметить, что у нее красивые длинные ноги, но эти ноги неожиданно свернулись около его носа, а девушка, сырнувшись с подошвенника, оступилась рывком.

— Вы что, наш новый садочник?
— Нет.

— А какого же тогда... — энергично начала девушка, но, не найдя подходящего слова, сказала совсем другим голосом: — А почему же тогда вам мешает мое «Матюгина объясновалась»?

— Боюсь, что вы будете смеяться, — начал он и рассказал ей все, вплоть до того момента, когда он определил, что седьмую звезду созвездия, то есть ее окошко, закрывает вот эта матюгина, именно поэтому он сказал, что дерево мешает; потому так следует его поинимать.

Девушка слушала его, широко раскрыв большие глаза, а потом сказала: — Почему вы решили, что я буду смеяться? Мне это дерево тоже мешает: я в него могу смотреть на море. И вы специально из-за этого приехали сюда?

Он сказал, что да, специально из-за этого пришел сюда, и она снова спросила, почему он решил, что она будет смеяться, а потом пожелала немедленно своими глазами увидеть «Большую Медведицу». Он пояснил, что это можно сделать только вечером, причем смотреть нужно с большого расстояния, например отъехав далеко к морю на лодке, и она снова отгорчалась, а потом стала его уговаривать остаться до вечера:

— Ну куда вам спешить? Пообедаете у нас, а вечером посмотрите самодельный концерт. Чего вам, в самом деле, уходить со скуки в своем Гадомисе?

Он с улыбочкой повалил ее: — Не Гадомис, а Мисс Даго!
Потом, подумав немного, решил, что, действительно, спешить ему обратно незачем.

Девушку звали Тамарой, но ей не нравилось это имя.

— Лучшезовите меня просто Том! — предложила она.

Тамара работала физикултурщицей санатория. Она показала ему все громадное здание санатория, а потом повела обедать. Он несколько раз начал говорить, удобно ли, что он, посторонний человек, обедает здесь, а она смеялась в ответ и говорила, что если бы было неудобно, то она не пригласила бы его. Тогда он принялся рассматривать прекрасное помещение и сказал ей, что это не столовая, а настоящий дворец для торжественного принятия пищи, и она переспросила:

— Как? Как? Это нужно будет обязательно сказать нашим!

Вечером в роскошном клубе санатория был концерт. Выступали местные санаторные ансамбли: певцы и музыканты. И отдыхавший в санатории очень молодой поэт читал свои последние стихи, где были такие строчки: «Грихавка сюда, я снова стал молод». И публикой с веселым любопытством смотрела на него, пугало лицо поэта, стараясь представить, как же оно выглядело до санатория. Все это было страшно весело, а физикултурный таяк Тамары, одетой в трусики из блестящей серебристой материи, имел особенно шумный успех.

После концерта они бегом спустились по каменной лестнице, перешли железнодорожный мостик и сняли со стелажки на берегу узкую лодку. Он сел за весла, а она — на руль и все время спрашивала: «Ну, как, во видно еще?» — так как он категорически запретил ей обращаться раньше времени, чтобы не испортить впечатление, прощая пока что рассматривать настоящую «Большую Медведицу», на небе.

Теперь давайте смотреть! — сказал он, когда лодка отплыла далеко, и положила весла на воду.

Дальней берег казался теперь черной полоской, ogni побережья вытянулись в одну линию, а посредине лежал громадный ком с откусанным краем, составленным из белых матовых шаров, светивших ярче чем небесные светила.

Тамара долго молчала.

— Слушайте, это действительно замечательно! — сказала она, как только открыл дар речи. — Только жалко, что одной правой зрелой лад. Ведь это и есть мое окошко, правда? что расскажет обо всем директору. Николай Иванович — душевный человек — обладает чувством прекрасного и, конечно, разрешит ей срубить дерево под окном, и тогда они будут видны с проходящих тепловозов и все будут знать: санаторий «Большая Медведица»! Прошавшись с ним, она сказала, что немедленно пойдет к директору и главному врачу, потащит их на море, а они посмеются над ее притвором и некоторое время смотрят, как сверкала в темноте ее белые туфли, поднимающиеся по лестнице, и потом пошел домой.

На следующий день с утра היא дождь, небо было закрыто туманом, и он не пошел в санаторий, но когда вечером вышел по-

гулять, то улыбаясь, разглядел на дальнем берегу сквозь туманную пелену полное окошко «звезде». Теперь он не мог понять, почему правая нижняя «звезда» горит ярче всех остальных.

Когда он через два дня пришел в санаторий, то Тамара, увидев его, еще взошла прокричала:

— А я в своей комнате свернула лампу и выпотел свечей. Специально для Мисса Даго.

Она рассказала, что директор до того заинтересовался огнями, что в тот же вечер поехал с ней на лодке в море, и рано же он имел противоречивый разговор с директором санатория, а дерево немедленно срубил.

У Тамары был свободный день, и она поехала его на пустынный берег, где лежали громадные, отполированные морем валуны, которые она называла «городом трополов», и было приятно прятать боковые ноги с одною телло валуна на другой, особенно если набожебашная лодка совсем заливалась каннами. Она рассмотрела ивечне неизменительный домик — бывшую дачу бывшего генерала Кутепова, а сейчас — дачи местного фруктового совхоза, — а потом медленно поднялась на высокий холм, как она называла «холмом», откуда было видно море, переливаясь желтым цветом и далеким снежным хребтом, и он все время хотел подобрать удачное сравнение, чтобы передать всю эту красоту, но слова не шли, и он застался и безмолвно.

Они долго сидели на обрыве, и если кто-нибудь шевелил ногой, то начинала смываться мелкие камешки, и склон обрывка, словно по нему ползли дождевые теньки муравья. Она продолжала «схватывать с горы. Он спросил:

— На чем с'ехать?
Она сказала:
— На чем попой!

И, не дожидаясь его ответа, с развешенными волдырями промчалась по крутому склону, подвывая, поднимая пыль, но она сделала рисованный прыжок и развил еще большую скорость, переняла ее. Когда они вытарахивали внизу песок из туфель, она сказала, что она молчала: переняла ее! — а он пошел обратно; она слегка хромала и, хотя сильно ушибла ногу при спуске, ничуть не жаловалась, а только сказала:

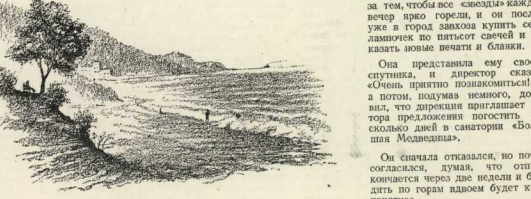
— Что-то заскулила у меня нога!

Она рассказала ему, как в школе успешно соперничала с мальчишками в прыжках через барьеры, а потом, окончив институт физикултуры, приехала в этот санаторий вестя медицинскую гимнастку, и все остальную дорогу они говорили о Мавковском, которого, оказывается, она любила.

Около санатория на них налетел директор, похожий на моторную лодку, с размахивающей собою, сообщая, что дело с переименованием санатория чуть не сорвалось, потому что приехавший инспектор не нашел в огнях никаких сходства с легендарной «Большой Медведицей», что его убедил, что «Большая Медведица» похожа на ком с ручкой, и теперь разрешение получено, и они уже едут к секретарем горисполкома, в моторной лодке смотреть эти огни, а ему предложили подлинную ответственность наблюдать за тем, чтобы все «звезды» каждый вечер ярко горели, и он послал лампочек по пяточкам кувшет и заказал новые ветки и блинки.

Она представила ему своего спутника, и директор сказал: «Очень приятно познакомиться!» — а потом, подумав немного, добавил, что дирекция приглашает автора предложения потогонить несколько дней в санатории «Большая Медведица».

Он сначала отказался, но потом сообразил, думая, что отпуску кончается через две недели и быт до того гордом будет куда приятнее...

ЛУГАНСКИЙ СЛЕСАТЬ *

Л. ЛУЦКИЙ

7. ГОДЫ СКИТАНИЯ

Подним декабрьским вентером кто-то тихо постучал в окно квартиры луганского литейщика Пузанова. Павел Ильяч Пузанов встал с постели, открыл дверь и замер от радостного изумления. Перед ним стоял, улыбаясь, Ворошилов.

— Володька!

— Да, как видишь, я жив и здоров. Вместо трех лет прошедшего тыща ты видишь. Решил, что хвать, Володь.

Беклар Ворошилов из Архангельской губернии, куда был сослан в 1907 году, вскоре после V съезда партии. Во всех случаях на этом съезде Климент Ефремович твердо поддерживал Ленина.

Долго в эту ночь не гас свет в маленьком домике.

Ворошилов попал в Довжский бассейн приездом Центрального Комитета партии дал ему путевку в нефтяную Басу. Там вскоре работала большевистская организация — одна из сильнейших в стране, последовательно ленинская, завоевавшая огромное влияние среди рабочих. Басинским большевиком руководил товарищ Сталина. Вместе с ним работали замечательные революционеры: Степан Шаумян, Алена Джакарзия, Серге Орджоникидзе.

Приехав в Басу, Ворошилов ведет активную работу в партийной организации. Он становится членом Басинского комитета, партийным организатором Биби-Эйбатского района, секретарем профсоюза нефтяников. Под непосредственным руководством товарища Сталина Климент Ефремович проводит перестройку шлоду большевизма. Он борется с меньшевиками, эсерами, даншниками, пристально изучает сложный национальный перелет Закавказья, овладевает ленинско-сталинской национальной политикой.

Осенью 1908 года Ворошилов переезжает в Петербург. Жандармы нападают на его след. После отсиживания в замечательных «Крестках» он снова попадает в архангельский ссылку.

В «медвежьим углу» — Холмогоры — Ворошилов не прекращает ни на час революционной борьбы. Он собирает политические съезды, организует протест против кровавых репрессий в Вологодской и Голышанской котлованских тюрьмах, устраивает побег товарищей. Его бросают в Архангельскую тюрьму. Он обзаводит голодомку, сидит вокруг себя всех политических заключенных, не дает никому торшечкам.

За то, что Ворошилов в Архангельской губернии, как выражался жандармы, «явно проводил свою революционную деятельность», срок его ссылки продлили еще на год.

Осенью 1912 года, отбыв ссылку, Климент Ефремович приезжает в Алчевск. На завод его не пускают. Пришлось стать заводчиком пенного рабочего кооператива.

Большевистские отряды, созданные Климом Ворошиловым в годы первой революции, сумели пронести свое знамя сквозь все ужасы столюмской реакции. И теперь, когда снова налетела революционная буря, большевики уверенно повели рабочих в классовые бои. Под руководством Ворошилова вырастает подпольные кружки, широко распространяется ленинская «Правда», укрепляется большевистское влияние в профсоюзных комитетах, судооберегательных кассах.

Уже в октябре 1912 году Ворошилов снова оказывается в тюрьме. В декабре его выпускают. В январе 1913 года он опять арестовывается и в апреле выселяют на крайний север, в глухой Чердынский край.

В марте 1914 года Климент Ефремович возвращается в Довжский бассейн. Нацлия продолжает преследовать его обысками и угрозами. Ему приходится уехать в Шарыши. Там он работает на оружейном заводе и руководит большевистской организацией.

В мае 1915 года Ворошилов переезжает в Петербург, на завод Сургайло. Слова революционной работа, и снова преследования жандармов.

Но страдный путь тюрем, ссылкок, скитаний уже подходит к концу.

В феврале 1917 года народ сбросил царя.

К. Е. Ворошилов в царской ссылке в Архангельской губернии (1909 год).

В перых рядах революционного штурма шли солдаты лейб-гвардии Измайловского полка, распространявшие большевизм с завода Сургайло Климом Ворошиловым. И его же, Ворошилова, измайловцы послали своим изобранным в Петербургский совет рабочих и солдатских депутатов.

В марте 1917 году по настоянию просьбе доижских рабочих Центральный Комитет партии направил Ворошилова в Луганск.

8. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Шло бурное заседание Луганского совета рабочих депутатов. Впрочем, несмотря на название, здесь сидели не только рабочие, а также немало адвокатов, домоваладельцев и даже... товарищ прокурора. Эсеро-меньшевистская и петлюровская публика в перые дни после февральской революции, жидничая, опираясь на остальную часть рабочих и ремесленников, захватила большинство мест в Луганском совете.

В зал вошел Климент Ефремович Ворошилов, недавно приехавший в Луганск. Группа большевистско-депутатов зашумела. Захлопали и эсеро-меньшевики, знавшие об огромном влиянии Ворошилова в городе. Больше того: они «любовно» предложили Клименту Ефремовичу как старому луганянину председательствовать в эсеро-меньшевистском совете. Ворошилов поблагодарил и отказался. Усевшись, он стал внимательно слушать ораторов. Речь шла о том, работать ли в день Первого мая.

— Товарищи! — расплылся на трибуне меньшевик Нестеров. Мы досыта встали войну с Германией до победного конца. Наши замыслили работать на оборону. Мы не должны предавать Первое мая.

В таком же духе выступали и другие социал-предатели.

Ворошилов вышел на трибуну. Зал зашумел. Вескими, бесстрадными словами начал Климент Ефремович громить меньшевиков и эсеров. По залу прокатился ропот, поднялся голос крикуны. Но Ворошилов уже доложил свою речь.

Железная сила его доводов открыла глаза даже той части рабочих, которая раньше верела социалитам. Большинство голосов совет принял решение — праздновать Первое мая.

...Заводской двор. В центре гулдиного митинга Ворошилов рассказывает рабочим о позорном поведении эсеро-меньшевистских захватчиков. Здесь, на заводах, настроены—боевые. Тысячи рабочих идут за большевиками. Заводские комитеты в большинстве своем руски. И после каждого митинга, после каждой ворошиловской речи новые и новые шеренги пролетариата становятся под ленинское знамя.

На апрельской партийной конференции в Петербурге Ворошилов выступил с докладом: «Сейчас фактически Луганск в руках рабочих».

Мощная первомайская демонстрация вочую показала рост влияния большевиков. В 10-тизначной толпе рабочих, вышедших с ленинскими лозунгами, толпился калачеи кустарей и служащих, собранных меньшевиками. Группу украинских националистов, вышедших с желто-голубым флагом, демонстранты заставили убираться в сторону. Рабочие горячо приветствовали Ворошилова.

Большевистское партийное собрание. Медленно, подчеркивая важность вопроса, Климент Ефремович говорит:

— Товарищи, нам предстоит больше бои, чем за власть пролетариата. Того оружия, которое сохранилось у нас с седьмого года, уже недостаточно. Нам понадобятся не только револьверы и винтовки, но и пулеметы и пушки. Вооружаться — вот главная задача.

Весенним путем большевики достают наганы, карабины, юнкиски, сабли. В марте в боевой дружке было 30 человек. В мае «рабочая самооборона» насчитывала уже 150 бойцов. А в сентябре это отряд вооруженных рабочих, открыто называвший себя Красной Гвардией, насчитывал уже не менее тысячи человек. Во главе Красной Гвардии стоял верный друг и ученик Ворошилова — фрезеровщик Александр Парменко.

Для подготовки к бою нужно и идейное оружие. Ворошилов создает и редактирует ежедневный орган Луганского комитета большевиков — «Ленинская пролетарий» — яркую, острую, темпераментную газету.

Августовские переборы городской думы принесли большевикам блестящую победу. Хотя в думу выбрали не только рабочие, а все население города, хотя думские депутаты сделали все, чтобы помешать рабочим участвовать в выборах, большевики обазыли в новой думе самой сильной фракцией. Ворошилов был избран председателем думы.

А на переборах совета, состоявшихся через месяц, большевики получили 95% мандатов. Климента Ефремовича избрали председателем совета.

Уже в сентябре 1917 года луганские рабочие в ответ на королевильский митинг взяли власть в свои руки. Большевистский Военно-революционный комитет Луганского округа немедленно отстранил контрреволюционных офицеров, назначил во все учреждения и воинские части своих комиссаров, поставил красногвардейскую охрану на газетный, телефонный станции, заводах, в банках, у пороховых погребов. Солдаты гар-

* Означения. См. «Слезы» № 2.

Первая Конная.

С картины худ. Ксенофонтова

износа, присягая на верность революции, пролила горючеватным маршем мимо здания ревкома; с балкона их приветствовал Ворошилов.

Весь город превратился в большевистский военный лагерь. После трудового дня на заводах красноармейцам в дождь, грязь, непогоду темень шли охранять форпост Дюбасова от рывкавших на Дону казачьих банда.

На выборах в Учредительное собрание Луганский уезд отдал 80% голосов большевистскому списку. В ноябре избранный в Учредительное собрание Ворошилов выехал в Петроград.

Здесь, по поручению Ленина, он становится комиссаром градоначальства. Неустойно навоевав на революционный порядок в красной столице, вместе с Феликсом Дзержинским создает ВЧК — Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. И в то же время посылает Луганским вагоны с винтовками и пулеметами.

В марте 1918 года Ворошилов вернулся в Луганск, чтобы повести рабочих в бой против немецких оккупантов.

9. В ПОРОХОВОМ ДЫМУ

Слова, как и в лютном году, тревожно зазвучали над Луганском.

«Грозный час настал», писал Ворошилов в воззвании к рабочим. — Налет революций, нашим завоеваниям грозит смертельная опасность. Немецкая буржуазия идет спасать буржуазно-русский войско...»

Товарищи! В нас самих решение своей судьбы... Намеуму Дюбасову бегству грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцарилась немецкая банда под руководством петлюра, винниченко и прочих предателей украинского народа.

«Все, кому дороги идеалы пролетарятам, все, кто ценит пролитую кровь наших братьев за освобождение России, все, кому дорог международный социализм, освобожденный человечество, все до единого — к оружию!»

В заводские штабы Красной Гвардии или тысячи добровольцев. Климент Ефремович отобрал 640 лучших. Так в марте восемнадцатого года родились первый Луганский социалистический партизанский отряд.

Из старых пулеметных вагонов, обложенных мешками с землей, рабочие соорудили для отряда два бронепоезда.

Весь город провозжал отцов, сыновей, братьев. Впереди отряда — ехал вершок Ворошилов. Женщины убрал сбрую его коня бумажными розами.

«Германская оккупационная армия катилась по городам и селам Украины, сея голод, разруху, нищету, смерть... Против оккупантов поднимались десятки партизанских отрядов. Но, слабо вооруженные, плохо спланированные, тесные немецкой артиллерией, броневиками, аэропланами, они отступали почти без боя...»

Нужен был центр, вокруг которого эти отряды склались бы в один кулак. Таким центром стал бронепоезд Ворошилова.

Первый бой с немцами луганские приняли на станции Дубовицкая, недалеко от Коктопа. Самодельный их бронепоезд вступил в артиллерийскую дуэль с первоклассным немецким бронепоездом. Стоя на передней площадке, Ворошилов помогал наводить трехдюймовку. Метким выстрелом луганские разнесли в щепы верх немецкого броневика. Немцы ответили ураганим огнем мощных орудий. Один из снарядов угодил прямо в переднюю площадку. Пулеметчик Лутун был убит, Ворошилова сильно контузило.

Партизаны, залегшие вокруг бронепоезда, дробили под синевым линем и бросались враспылку. Но Ворошилов, носясь метремом по доскам, навел порядок.

«С боем отступавший ворошиловский отряд каждую пядь советской земли. Большие месяцы понадобилось прекрасно вооруженным немцам, чтобы отвести партизан от Коктопа до Луганска. В боях под Осиновой, Зиневой, Рода-коку оккупантам были нанесены жестокие удары...»

В этих битвах ворошиловский отряд, как могучий магнит, собирал вокруг себя тысячи украинских партизан — саратовских металлургов, донецких шахтеров. В апреле все эти отряды объединились в 5-ю армию. Командующим армией был назначен Климент Ефремович Ворошилов. Валеем вооруженного народа слесарь стал командармом.

10. КОМАНДАРМ

Под луганским немцем 5-й армии пришлось в конце апреля оставить Луганск. Вместе с армией в путь двинулся весь город. В бесчисленных шлохонах ехали рабочие, их жены и дети.

В сотнях вагонов везли заводское оборудование и военные материалы. На специальных платформах двигались шпалы, стрелы и прочее добро для прокладки путей. Ничто не должно было остаться в руках захватчиков.

Нужно было проехать десятки тысяч измученных, голодных людей и десятки поездов через донецкие равнины, охваченные пожарным бешеным востанием. Нужно было восстановить разрушенные пути, строить мосты, доставлять в бесводных и беслесных степях топливо и воду для паровозов. Нужно было сменить разрозненные отряды суровой пролетарской дисциплиной, непреложной волею к победе. И Ворошилов все это сделал.

Три месяца в жесточайших боях гремя Мамоптова, Фидельшурава, Демисова и других казачьих генералов, группа войск Ворошилова пробивалась из Дюбасова на Валу. Бойцы встали перед своим командиром в первой цепи. И всегда, даже в самые тяжелые минуты, он был бодр и спокоен.

Кто из участников этого великого похода не помнит, как Ворошилов застрелил белого полковника, мяввшегося на него с обгаженной шапкой! Эту шапку в серебряной оправе красноармейцы после боя сняли с полковника и, улыбаясь, поднесли Клименту Ефремовичу.

— Рубайте его, товарищ командарм. Рубайте по-ворошиловски...»

А у кого не остался в памяти штабик Ворошилова с белозаксами в штанине Пятизубной? Товарищ Сталин прислал из Царицына в дичное распоряжение Ворошилова бронепоезд. На этой машине командарм отправился разведать расположение противника. При входе в станцию броневик застрял в узкой улочке, мотор захлебнулся. Окружая машину, немцы стали обстреливать ее с угор. Шюрфер растерялся. Но Ворошилов спокойно приказал помаленьку выворачиваться. Через полчаса броневик вырвался из окружения. Когда командарм вернулся к своим, с шипом густыми струйками текла кровь: он был изранен осколками брони. Выпрямившись к нему в испуге товарищ Ворошилов спокойно сказал:

— Ничего, все в порядке. И, посмотрев на исполовавшего синим гимнастерку, добавил:

— Вот гимнастерку жалко. Гимнастерку бы дала хорюшка...

В начале июля Ворошилов привел в ослепленный белыми Царицына тридцатитысячную ар-

мию. Вместе с украинцами в ее ряды сражались досюда полки Ефима Шаляева. В луганских экспедициях прибыло цементае боевое имущество.

Ревкоматель обороня Парциана товарищ Сталин назначает Ворошилова командующим войсками парцианского фронта. Дни и ночи проводит Климент Ефремович в окопах, на плакатах боеприпасов, в жарких схватках с врагом.

— Вперед, товарищи, поззди Льва. Отступать некуда! Вперед, бойцы революции! — зовет он красноварейцев.

И бойцы, бросаея за любимым командармом, отражают олу за другой бешены атаки белых на «красный Верде». Непрестанным утесом высятся волжский город, не давший красной боегардеваться ситься с востоком. Город не сдавался, несмотря на то что белогарейцами помогали предатели Троицкий и его ставленники — контрреволюционные генералы, орудовавшие в красных штабах. Сталин и Ворошилов разработали эних подлх заговорщиков.

В это время в Москве зсеря, действование сообщея с бухаринцами и троцкистами, превели злодейское покушение на жизнь Ленина.

Когда Владимир Ильич попарался после выстрела бухаринско-зсеровских убиц, товарищ Сталин был вызван в Москву. Ленин и Сталин в телеграмме Ворошилову с восторгом отметили героизм защитников Парциана, доблесть луганских полков. А в разговоре по прямому проводу товарищ Сталин с суровой нежностью передает Ворошилову:

— Ильич душой с вами. Он полюбил вас, чертей...

11. КОНАРИЯ

Деятнадцатый год. Страна советов в пылающем колесном фронте. Красная Армия, рабоче-крестьян отряжает нашествие четырнадцатых государств. Колчак и Деникин, залив кровью Сибирь и Украину, рвутся к красной Москве.

Ворошилов, команда 14-й армии, обороняет Украину от денкинских полчищ. Когда красные части уже оставили Благотривисла, Ворошилова все еще оставался на подступах к городу и в упор расстреливал артиллерийским огнем идущие сюда колонны белогардеваться.

По всем фронтам шла слава о боевом командаре. Имя его красовалось на стальной груди боеприпасов. Имя его вселенила бойцы в сложнейших под срудный гуд бесхитростных песнях:

«Ворошиловым все знают,
За кого они идут,
За свободу умирают,
Жизнь за правду отдают...»

И когда в ноябре 1919 года, по приказу товарища Сталина, была создана Первая Конная армия, рабочий Ворошилов вместе с крестьянином Буденным были посланы во главе этого нежданного в истории войскового соединения. От Воронежа до Новороссисья, от Умани до Львова, от приднепровских степей до крымских гор прошла Конная дорогам, где каждый камень брался с боем, завоевывался кровью. Вихрем налетела красная конница на денкинцев, белополяков, врагелевцев — и где прошла Конная, там не оставалось и следа от вражеских полчищ.

Победы не приходили сами. За каждой выигранной битвой стояла напряженная, неизмеримо сложная военная и политическая работа вождя Первой Конной — Ворошилова и Буденного. Старый большевик из гвардии Ленина, Клим Ворошилов сумел восполнить рабоче-крестьян-

скую конницу в пролетарском духе, в духе преданности партии и ненависти к врагам.

Иуда-Троцкий, с пенью у рта выступавший против создания Конницы, не раз пытался срисить ее на славные врагам. Летом 1920 года Первая Конная, приковак к себе семь польских дивизий, стояла под стенами Львова. Вместо того чтобы приказать ей форсировать наступление на Львов и ударить по тылу польских армий, Троицкий, несмотря на резкие возражения Ворошилова, направил армию вдоль фронта на другой участок, где она оказалась в окружении белополяков. Больным усиий стояло Ворошилову и Буденному вывести армию из вражеского кольца.

Не раз жизнь члена ревкомателя Первой Конной Кима Ворошилова вела на волоске. Как-то октябрьским утром 1920 года артиллерия, наделенная на полковой штаб армии в деревне Отрава. Воконна на зомаль, Ворошилов прорвался сквозь гущу белых всадников. Один из них метнул в Климента Ефремовича пистол. Только брызга, в которой заупалстившая, спасла Ворошилова от гибели.

«Гражданская война окончена. Страна, отвоюева право на мирный труд, залечивает раны. Но Клим Ворошилов поирежнему в бою».

В марте 1921 года он во главе группы делегатов X партсъезда первым вярвается в мятежный Кронштадт.

Командуе войсками Северо-Кавказского военного округа, он вплоть до 1923 года проводит заседание в горячих банях князей Ухтомского и Джигтеморова, генералов Марченко,

Пржевальского и прочих последних белогардейцев.

В 1924 году Климента Ефремовича назначили командующим войсками Московского военного округа, в 1925 году, после смерти М. В. Фрунзе, — народным комиссаром по военноморским делам Союза Советских Социалистических Республик.

12. ПЕРВЫЙ МАРШАЛ

Над Красной площадью встает маяское солнце. Серебристо-зеленые ели выстроились как часовые вдоль старой Кремлевской стены. Лиском к Кремлю, заполнил неуютный гранитный плаз застали войска. Бесконечные ряды стальных шлемов, острых касковок, новеньких крыл и молодых здоровых лиц...

На левое крыло мавзолея поднимается Сталин в летнем пальто и вместе с ним — его боевые соратники.

Красная стрелка Славской башни приближается к десяти. И когда ее золотое острие ложится на сложенную шифру, из ворот Кремля на горячем скакуне вылетает первый маршал Советского Союза. Он мчится по фронту дивизии, и громовым «Ура!» армия встречает наркома обороны.

Страна знает и любит Ворошилова — боевого соратника великого Сталина — крупнейшего деятеля большевистской партии и советского государства, великого патриота, бесстрашного к врагам коммунизма.

Имя Ворошилова а любовью провозносят не только народы нашей страны, но и туляющиеся весто мира. Солдаты республиканской Испании называют этим именем самые доблестные свои батальоны. Героянские боины 8-й народно-революционной армии Китая зовут своего славного командара товарища Чжу Дэ «китайским Ворошиловым».

***

«Наша армия, — сказал Ворошилов, — существует не для наказания, но только до момента наказания врага на нашу голову. Она будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий, если враг ее поведет к этому».

«Над страной опускается ночь. После дня, наполненного радостным трудом и веселым отдыхом, спокойно спят миллионы людей. Только светится зарево домен, горят звезды на рудничных копрах, мерцает в поле фонарь тракториста, да краснее-паровоз Ворошиловградского завода мчит к своему морю скорый поезд к изуротникам».

В казармах сотен гарнизонов, в кубриках боевых кораблей, в уютных комнатах укрепленных позиций спит бойцы. Мелкие койкики тихо шатают диванчики. В ангарх заперты стальные птицы, в гаражах тускло поблескивают танки и бронемашини, в конюшнях пасут кони, у морских причалов катятся пологие лодки и торпедные катера.

Пусть только отдадут приказ — и через мгновение вся вслкая, могучая Красная Армия придет в движение, ринется на врага неудержимой, всеобъемлющей лавной.

Пусть только отдаст приказ человек с седыми висками и маршальскими звездами на петлицах, человек, который в этот поздний час склонился над бумагами в большом московском кабинете, у батареи телефонов...

И когда придет ночь, когда скажут Сталин и советское государство, — он сумеет отдать этот приказ!

Первый маршал 1938 года. Народный комиссар обороны первого маршала Советского Союза К. Е. Ворошилов зарювачея с бойцами и поздравляет их с праздником. Рядом с тов. Ворошиловым маршал Советского Союза тов. С. М. Буденный.

Москва

П. ЛОПАТИН,
И. РОМАНОВСКИЙ

Восточный экспресс миновал станцию Голтушин. Промелькнули гигантские корпуса Коломенского завода, залитая светом трансформаторная станция и высокие ажурные мачты электропередачи «Куйбышев—Москва». На запасных путях стояли десятки только что выпущенных советских электровозов «ВМ».

Иван Артемьевич Герасимов, председатель колхоза «Красная поляна», ехал в Москву на очередной съезд партии большевиков. Последний раз он был в столице ровно шесть лет назад, на историческом XVIII съезде, утверждавшем третью пятилетний план.

Герасимов не сиделось. Накнуив на плечи шубу, он вышел на площадку, приоткрыл дверь и, взвизгнув за холодные поручни, выглянул наружу.

Ветер сердито реал с него шубу. В мелькающей тьме носились клочья снежной замети. Где-то вдали блеснул огонек. Блеснул и исчез...

Экспресс, промкая на рельсовых стелках, легко влял небольшой подъем — и вдруг за поворотом возникло бесконечное море огней. В самом центре этого огненного пологова, в высоте над миллионами светящихся точек, различался туман-

ный силуэт колоссальной человеческой фигуры. Гигантская фигура статуя была простерта над мировым городом...

— Ленин, — прошептал Герасимов. — Дворец Советов!

В 8 часов вечера экспресс пошел к перрону Казанского вокзала. Иван Артемьевич вышел на хорошо знакомую ему Комсомольскую площадку и... не увидел ее.

Исчезла высившая над площадью старая эстакада. Вблизи вокзала высился громадный монумент. На выезде стали слышны слова: «Ленинскому комсомолу». По обеим сторонам площади, вдоль широких тротуаров, вытянулись шпалерами себеристые, покрытые иеом ели.

Площадь была заполнена автомобилями. Они неслись двумя потоками. Поблескивая лаком и высились, автомобили безостановочно мчались вдоль площади, уходя на пролегающие ее просторные прямые магистрали.

«Да, тутовато здесь приходится пешехоку», — сокрушено подумал Иван Артемьевич.

Впрочем, на площади не было видно ни единого пешехода. Эта загадка вскоре разъяснилась. У тротуара, под небольшим навесом, Герасимов увидел два широких эскалатора. Один из них доставлял пешеходов на тротуар, другой — уносил их под землю, чтобы они легко и быстро могли очутиться на противоположной стороне площади.

На темном фоне зимнего неба ярко горели бесчисленные световые рекламы: «Катанье на тройках по льду Восточного канала».

«Управление Гражданского воздушного флота сообщает: с 1 марта 1945 года воздушные экспрессы Москва—Лодзь—Нью-Йорк и Москва—Сан-Франциско отправляются два раза в сутки: в 10 часов 15 минут и в 23 часа 30 минут».

Слева забавно гримасничала веселая физиономия клоуна. Из широкого открытого рта струилась по небу надпись:

«Иван Иванович Неумывакин приглашает всех московских ребят на детский карнавал на льду Химкинского водоема».

Справа сверкала и переливалась всеми цветами спектра небесный календарь — «10 марта 1945 года».

Следя указавшо светящейся стрелки, Герасимов направился к столу такси и уселся рядом с шофером в машине «ЗИС-117»:

— Магистраль Север—Юг, угол Добрынской и Лысенковской.

Иван Артемьевич вскоре заметил, что шофер везет его не по улице Кирово, как он ожидал, а по какой-то новой, значительно более широкой улице.

— Это что за улица? — спросил он шофера.

Рисунки Г. Башниова

1945

— Ново-Кировская, — последовал ответ.

— Вот и Садовая-Славская... По ней в несколько рядов несчетными потоком несется извозы.

— Ну, придется постоять у светофора, — подул Иван Герасимов.

Но опасения его не оправдались. За несколько десятков метров до Садовой машина перешла на середину узкого плато и очутилась в открытой пологой выемке. Оступившись метро на шесть, машина нырнула в ярус освещенный тоннель и, проехав под Садово-Власовской, вышла на такую же главно подымающуюся открытую выемку по другую сторону Садовой.

— Дорогой! — подкачал Герасимов. — Что же, светофор? совсем отменили?

— Зачем же отменил? — отозвался шофер. — На этих перекрестках остались.

— Вот и площадь Дзержинского. Первое, что бросилось в глаза Ивану Артемьевичу, — это ее небесноголубой цвет. «Шестой асфальт», — подул он.

Перед зданием Наркомата внутренних дел стоял гигантский памятник. В тонкой лепке лица сразу узнавался Феликс Эдмундович Дзержинский.

Справа от памятника Герасимов увидел величественное 14-этажное здание. Высоко поднятая арка соединяла его с таким же громадным соседним зданием.

По другую сторону площади уходила новая широкая улица, как стрела, улица, прорубленная словом Китай-город. В конце ее виднелись мажорель и зубчатые стены древнего Кремля.

Пройдя небольшое расстояние по Театральному проезду, машина свернула налево и неожиданно опять вырвалась в тоннель, ложако обогнала перед вездом в этот огромный двухэтажный автобус.

Иван Артемьевич полагал, что через несколько секунд машина поднимется на поверхность улицы, но тоннель казался бесконечным.

— Это жем тоннели тоннель, — разяснил шофер. — километр с лишком. Мы сейчас под Китай-городом едем.

Через полторы минуты машина вышла на Красную площадь, позади храма Василия Блаженного. Вдаль тянулись дуга Московского моста, заветного армянского мостом, молочкобелых фонарей. У вездом на мост, по сторонам его, стояли две громадные скульптурные группы из нержавеющей стали. На одной из них во главе группы воинство несся Чапая. На другой в окружении своих боевых товарищей на присту вражеских оковов шел Шорп.

Оглянувшись назад, Герасимов увидел Красную площадь. Все огромное пространство ее было залито беспрерывным асфальтом. На месте тяжеловесного здания Верхних торговых рядов раскинулись высокие, обрамленные колонами трибуны, растянувшиеся во всю длину площади.

Машина шла по Московскому мосту. Навстречу ей бесшумно пронесся двухэтажный трамвай.

Широкое снежное поле Москва-реки было заполнено молодежью, тановавшей вокруг разодетой карусели. Хор сильных молодых голосов, сопровождаемый духовым оркестром, оглашал Москву-реку веселой карнавальная песней.

Мелькнул Чугунный мост, Большая Ордынка, и машина остановилась у подъезда 10-этажного здания на углу Люсиновской и Добрынинской площадей.

Оранжевая площадь была обрамлена темносиними тротуарями. В мороженом воздухе мелькали хлопья пушистого снега. Но на площади не было заметно ни единой снежинки: при первом же прикосновении к асфальту они мгновенно таяли.

Расплывшись с шофером, Иван Артемьевич почувствовал под ногой тепло тротуара: под асфальтом была скрыта густая сеть теплофикационных труб.

Иван Артемьевич вошел в просторный вестибюль. Он не успел сделать и двух шагов, как неожиданно иррозосвещение заставило его опустить глаза вниз. Выскочившие из люка в полу две пушистые шетки быстро проехали по его сапогам и исчезли так же внезапно, как и появились.

Мгиков отраженный свет люка с потолка. Широкая пологая лестница была покрыта ковровой дорожкой. На мраморной стене сияла неоновая надпись «Лифт».

На площадке шестого этажа лифт останавливался перед эмальрованной дочешкой «Доктор медицинских наук С. И. Герасимов».

— Пожалуйте, пожалуйте... Вот сюда, — мажорель седая старушка радушно вела Ивана Артемьевича в кабинет. — Сергей Иванович скоро будет. Он просит не опускать вас.

Иван Артемьевич уселся в мягкое кресло у письменного стола. Потанувшись за папиросой, он отодвинул маленький черный ящик. Но как только он коснулся его полноразмерной крышки, из глубины ящика раздался укороченный женский голос:

— Сережа, опять подвел! А я ждала... Разве можно так часто обманывать?

Три глухих гулка — и из ящика агрополтал веселый баритон:

— Сергей, говорит Михаил. Всякой волонте есть предел. Твой бугер беру я. Идем с Павлом в Кашину.

Снова три гулка — и ящик официальным тоном сообщал:

— Товарищ Герасимов, вам доклад «Итоги десятилетней работы над проблемами человеческой жизни» назначается на 25 марта в конференц-зале университета.

— Очев! Ты что же мои секреты подслушиваешь? — Сергей Герасимов, раскрасневшись от мороза, радостно обмял отду; в дверях стоял десятилетний Юрка.

— У тебя здесь какие-то чудеса, Сережа: ящик разговаривает!

— Это не ящик, дедушка, а телеграф, — солидно поправил Юрка. — Папе звонили, и телеграф записал. А ты клянушка нажал.

Подойдя к деду, Юрка отозвал его в сторону и тихо спросил:

— Дедушка, ты какой климат любишь?

— Климат? — улыбнулся Иван Артемьевич. — Северный, милый, северный: мы ведь уральские. Зима у нас серьезная.

Через несколько минут в комнате стало холодно.

— Юрка, ты опять погодой занимаешься! — шутливо-сердито сказал Сергей Иванович. — Кондиционал установила, — об'янил он отду. — Читал, наверно, так вот этот молодой заведующий погодой и устроил тебе уральский климат. Уражский деду, нечего сказать! Живо передел на умеренный!

В половине седьмого Иван Артемьевич авторопился. Вместе с шумком он спустился в вестибюль.

На голубом мраморе стены было расположено несколько кинокор. Над каждой кишкой две красные, величиной с горошину, электрические лампочки. Выше матовой экран. И лампочки и экран были темные. Юрка нажал одну из кнопок — вспыхнула желтая лампочка, и на темном экране быстро пронесся яркий силуэт автомобиля.

— Все в порядке, — сказал Юрка. — Через минуту машина будет у подъезда.

Под'езжая к Дворцу Советов, Герасимов увидел, что в его распоряжении еще добрых полчаса. Он решил обойти вокруг Дворца.

Перед главным входом на небольшой высоте надвинут в воздухе два серебристых приваженных аэростата. Между ними, повисевший на толстых тросах, спустился громадный экран телевизора. Перед ним уже собралась многотысячная толпа москвичей. Они ждали. Вскоре на экране возникнет трибуна Большого зала, появятся знакомые лица вождя и радиорупоры разнесут над Москвой речь ораторов.

Иван Артемьевич шел дальше... На фасаде Дворца, окружая его со всех сторон, расступаясь, гигантская высеченная из гранита лента барельефов. Перед Герасимовым проходила история героической борьбы угнетенных всего мира за счастье человечества. Он видел колонны рабов, вставших против деспотского Рима под предводительством мужественного Спартака, толпы немецких крестьян, штурмующих ирландские замки феодалов, фигуру Ивана Болотникова, ведущего свою серьезную рать на борючую Москву, видел трагическую гибель Парижской коммуны и взятие Зимнего дворца...

За четверть часа до открытия съезда Иван Артемьевич через 38-й подъезд вошел во Дворец и поднялся на лифт-экспресс.

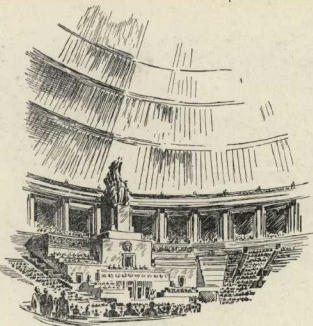
Перед ним раскрылась бесконечная авиальца огромных фойе. Мрамор, цветы, картины, скульптура. В одном из фойе Герасимов долго стоял перед бронзовым бюстом своего старшего друга, Героя социалистического труда, атлета Митрофана Фелеровича Завьялова. Он пошел дальше. И не было конца парадным, торжественным залам...

В каждом фойе был свой особенный, присущий только ему климат: зонный, сухой воздух казахских степей, аромат цветущих ильичевых садов Украины, смоляной запах хвойного вологодского леса и воздух залитого солнцем Черноморского побережья. Иван Артемьевич чувствовал, будто он совершает сказочное путешествие по необъятным просторам своей страны.

В кулуарах Дворца толпились группы делегатов, Герасимов слышал обрывки разговоров.

У диаграмм нефтедобычи стояли нефтяники. Атакующий делегатом Бакинским и Уралом, молодой инженер-азербайджанец упорно пытался отстоять честь старого Баку перед патристами новой нефтяной базы Союза, вот уже год не установившей по добыче «черного золота» старому Апшеронскому полуострову.

Награжденный всеми органами Союза, седой, как дуб, но все еще борный и подвижной, строитель Кубышевского гидроузла возбужденно читал вслух только что полученную им телеграмму: «Сообщить съезду сегодня в ночь опробованы насосные станции Заволжской про-

Большой зал Дворца Советов (проект архитектора А. Ф. Хрякова)

сительной системы. Механизмы работали безупречно.

Сибирский делегат обстоятельно разъяснял своему собеседнику все преимущества подземной газификации кузнецкого угля для снабжения газом городского хозяйства Томска.

За несколько минут до начала заседания Иван Артемьевич занял свое место.

Много раз видел он фотографии Дворца Советов, но только сейчас, по-настоящему ощутил, как грандиозен его Большой зал.

Задвигая, как морской прибой, Старые друзья обменивались веселыми приветствиями. Пневматическая почта принесла Герасимову записку от его друга из ложи Героя Советского Союза.

Точно в 7 часов вечера за столом президиума появился товарищ Сталин с окружением своих боевых соратников. Тысячи человек встали со своих мест, и гром аплодисментов потряс зал.

Из-за стола президиума поднялся одетый в скромную куртку человек, имя которого знает весь мир...

Товарищ Сталин начал свой доклад. Силевший справа от Ивана Артемьевича гость-иностранец, нагнувшись к руке своего кресла, переводил стрелочку маленького индикатора на деление с надписью «испанский» и приложил к уху трубку радиотелефона.

В изолированных кабинках, скрытые от глаз делегатов, десятки опытных переводчиков изгибно переводили и транслировали речь вождя. Слова товарища Сталина, родные и понятные всему трудящемуся человечеству, неслись над миром...

«Переполюный яркими ошупениями этого незабываемого дня, Иван Артемьевич сидел за обеденным столом в квартире своего сына. Здесь были доктор и художник, учителя и рабочие, инженеры и военные — родные, друзья, товарищи, бывшие одноклассники Ивана Артемьевича.

Стул рядом с Иваном Артемьевичем был пуст, Юрка, задрал вверх свою выхристую голову, дежурил у окна. Стрелка часов приблизилась к двенадцати. Раздался мелодичный улар стеченных электросов.

— Поворачивайтесь, поворачивайтесь! — радостно закричал Юрка.

На темном московском небе светила небесное календаря зарождала, сморщилась, потускнела, и в ее месте вспыхнула новая дата — «11 марта 1945 года».

Иван Артемьевич поднял бокал:

— Предлагаю тост, товарищи, за наше героическое прошлое, за наше радостное настоящее, за сияющее будущее... И за того, кому мы обязаны и нашим настоящим и нашим будущим!

Давая описание Москвы 1945 года, мы только не позволили себе фантазировать.

Намеченный в тезисах товарища В. М. Молотова грандиозный рост производительности и благосостояния народов Советского Союза демонстрирует безграничные возможности социалистического хозяйства.

Сталинский план реконструкции столицы осуществляется уже три с лишним года.

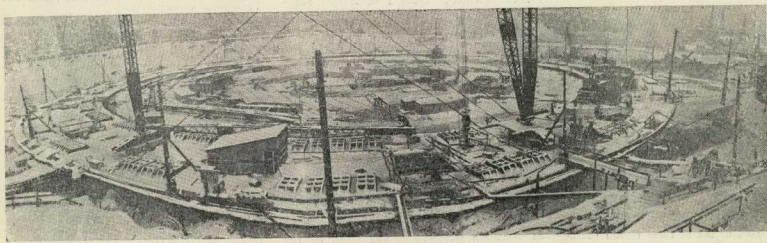
Книги работа на стройке Дворца Советов. Прокладываются новые магистрали. Строятся сотни новых прекрасных домов.

Уличные тоннели, подземные эскалаторные переходы существуют уже вполне детально разработанных технических проектов. Завод цветного асфальта уже работает.

Теплофикация, кондиционирование воздуха, телеграф, автоматический вызов такси уже полностью освоены современной техникой.

В Советской стране реальная жизнь часто обгоняет фантазию. Подлинная Москва 1945 года, конечно, будет неизмеримо прекраснее той, которую мы попытались нарисовать в этом очерке.

Фото О. Ландер.

Панорама строительства Дворца Советов.

Снимок сделан в феврале 1939 года.

РОСТ

Еще издавна государство с циничным своим сокращением причисляло эталон. Платиновые бруски и сосуды хранили наравне с золотом и алмазным фондом, а может быть, даже циничнее, — для одной разновидности меры был обделен такой работой. Впрочем, им измеряли депешку — труд.

Каков эталон труда?

В мире, где человек человеку — волк, где парит честота и прибыль, а каторге — вот к нему царю приравнивают труд.

Есть эталон труда и в нашей великой стране.

В пламенной речи коммунистическому труду — в своей речи на Первом всесоюзном съезде шахтаювцев — Серго Орджоникидзе говорил под аплодисментами всего зала:

«Вчера здесь, когда один из выступивших товарищей заявил: да здравствует первый шахтонец товарищ Сталин, — весь зал поднялся на ноги. Видно, оказывается, не Стаханов — Сталин, а Сталин — стахановец. Вот к какой высоте рабочие поднимают звание стахановца».

Инициаторы стахановского движения аплодировали вместе со всеми, но не было, к сожалению, людей, более смущенных чем они. Точно измерят труд даже Сталина! Как же надо работать, чтобы остаться достойной этой величайшей, необъятной честью!

После стахановского совещания участники его размышляли не только с грузом новой ответственности, но и с новой верой в свои силы, в свое дело, в поддержку его партии, правительство, Сталина. Как Сталин говорил о них? Он выслушал с трибуны так, будто хотел передать свои мысли каждому в отдельности. И от этого слова его становились еще доступней, еще родней:

«...помочь стахановцам развернуть дальше стахановское движение и распространить его шире и глубже на все области и районы СССР. Это с одной стороны. И с другой стороны — обучать все те элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые устроены на работу, но не хотят двигаться вперед и систематически тормозят развертывание стахановского движения».

Может быть, предложил министру Петру Кривоному до этого стать начальником всего дела Ставанск — он бы оробел и не поверил серьезности этого предложения так же, как не поверил в свое время, что его наградили орденом Ленина.

С чего начинается стахановская работа? С того, что человек, подняв вдруг глаза, впервые охватывает все элементы своего труда. Видит: что можно устранить в технологическом процессе, что изменить, что усовершенствовать. Разве со скоростью, которую называют стахановской, было не так? Слова Кривоного выливались лишь результат труда машиниста — черепашью скоростью паровоза. По мому, различий этот труд на элементы, установка, что откогда в большом классе. Большой класс был закрыт Кривоному открыл его доуток. Но разве можно теперь ограничиться только своим паровозом? Что толку, если его паровоз сможет идти быстрее, другие будут простаивать в ремонте или застревать из-за неработы с графиками?

Родное дело Ставанск было запущено, заброшено врагами. Не вымучивалась своевременно заработная плата, паровозы обрели ступеньки и коросты. Первое толкнул дровами двух тысяч тонн в месяц. Нет, здесь повреженье боится большого кланна!

Внешне Кривоному остался спокоен. Главное — не впадать в панику, мобилизовать лучшие силы, показать, что трудности преодолимы.

Еще когда он был родимым машинистом, он не позволял себе подниматься на паровоз в грязном, ворочнике. Надо уважать свой труд!

Увидев в кабинете начальника депо диван с торжественными подушками, обои в подтеках и пятнах, Петр Кривоному приказал немедленно сменить весь этот погон: под недоумевшие взгляды многих велел расставить цветы в вазах. А когда один из машинистов вошел к

Делегат XVIII съезда ВКП(б)
Петр Кривоному.

нему, отрянув грязные ноги о лоснившиеся штаны, то начальник, обращая на «вы», предупредил, что разговор не состоится.

— Вернется, когда умоешь и переоденешься.

— Но я же на работе!

— Вот как раз потому я и требую от вас этого.

Дело зашло вновь живо. Кривоному перевел техническое бюро, которое попомало за полкилометра от депо, туда, где непосредственно ремонтировали паровозы. Он зашел сам по канавам, часто заведывался в депо, узнавал людей по работе и смело выдвигал лучших: разве железный сталинский вагон Каганович не выдвигал так же его? Он премирал и допытывал их, он обсуждал с ними (в инкогнито) не допускал проволочек новые их усовершенствования и улучшения: разве правительство, партия, Сталин жалели время для беседы с ним? Силое стали работать в депо снабженцы, лодыри, аргос, сознательно отягавших жалки в колесико.

И так же решительно сигналы Кривоному машиниста с паровоза, если машинист прозекает семафор. Нельзя наплеватьсь относиться к закону. Законы наши, и страна наша, и труд твой не тебе одному принадлежат, а всему коллективу.

За новым начальником шершавой стеной стали лучшие люди депо. Он чувствовал их дружескую и крепкую руку и понимал, что дело здесь не в том, что он свой, что знают

его тут с детства, нет, в его начинаниях коллектив поддерживал и то, что он связывал с высокими понятиями родины, партии, коммунизма.

Через 5 месяцев депо принесло возмездия приемы. В Ставанск начали присылать для ремонта паровозов с других дорог. Даже цветы в вазах зашли новыми цветом. Впрочем, что же тут удивительного? Ишь и грязь, задерживавшие их рост, давно несли из вахтов, и у уборщиц уже вошло в привычку каждую утро прогнать нежные листочки влажной тряпкой.

В мае 1938 года Лазарь Моисеевич Касанович назначил депутата Верховного Совета СССР 28-летнего Петра Кривоному начальником Южно-Донецкого дороги.

Чем большею частью работ предшествовал перед Кривоному, тем всею он видел, что стахановские, кривоскопские, бумсинские методы работы — это единый статистический стиль, лишь примененный в различных условиях, в различной конкретной обстановке.

Южно-Донецкая дорога в сердце Доббаска. Знакомые с детства картины: терриконы, вышки, шахт, уголь, уголь, уголь.

В первые же дни прихода Кривоному в управление дороги к нему обратился молодой дежурный по управлению комсомолом Николай Александрович Соколов, ставший молодежно-комсомольскую смену на дороге. Чобы не протравил паровяж, чтобы клиент вовремя подготовился к выгрузке, чтобы клиент без задержек шел из шахт к паровозам.

Николаю не долго пришлось ждать ответа. Уже через несколько дней Кривоному приказом утвердил предложение дежурного, причем дежурный был немало удивлен, что такое предложение было разработано до таких мельчайших подробностей, которые можно учесть лишь с наблюдательной вышкой начальника депо.

Нет счета тем стахановским начинаниям, которые за один год внедрил на Южно-Донецкой Кривоному. Возведение по кольцевому графику железнодорожных составов, т. е. такой система, когда паровоз за один период совершает пробег в одну и другую сторону без захода в депо; двухстороннее формирование составов на безотрывной станции, предложение Николаю; 170-километровые пробег тяжеловесных составов без набора воды, введенные в практику Фоминим, и многие другие.

И повторилось знакомое явление: если переходить на кольцевую схему, то сразу вырабатываются такие «мелочи» на паровоза, которые больше терпеть нельзя. Если увеличивать время пробег без набора воды, надо содержать вагон в идеальном порядке.

Повторилось знакомое явление: как только Кривоному, назначенный начальником дороги, смело открыл большой клан стахановской инициативы, один за другим стали выдвигаться затанцевавшие враги, саботажники, лодыри.

Не только дорога, молодца на глазах: по молодца и зашарел ее. Начальником паровозной службы Кривоному назначил комсомольца Пономарева, начальником депо Ставанск, своим преемником, — молодого специалиста Кривоному. Сии, конечно, молодца, опыта крушовой работы не имеют, но разве сам он начинал во всеурожье опыта?

В дни съезда под сводами Большого Кремлевского дворца встречаются лучшие люди страны. Кривоному встречает старых знакомых: Стаханова — он сейчас в Промаккаме, Сметанина — этот теперь замкомхоза, Огнев, у которого как и у Кривоному, четыре звездочки в железнодонецких петлицах.

Сколько лет прошло с первого совещания стахановцев! Даже трех с половиной лет! Был бы еще Серго, сама возможность бы ему, служившая начальником волоньера:

«Где, в какой стране это еще может быть? Нигде!»

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО (9 марта 1814 года—10 марта 1861 года).

«В Кореуши». Рисунок из путевого альбома Т. Г. Шевченко (1859).

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ УКРАИНЫ

М. КЛЕВЕНСКИЙ

Когда в 1861 году умер Тарас Григорьевич Шевченко, то А. И. Герцен в своем «Колоколе», выходящем заграничей, поместил следующую короткую заметку: «26 февраля (10 марта) утас в Петербурге малороссийский певец Т. Шевченко. Жаль, что бедный страдалец закрыл глаза так близко к обетованному освобождению. Кому было больше по праву петь это день, как не ему? Но хорошо и то, что утренняя заря этого дня заглянулась при его жизни и осветила последние дни его».

Герцен имел в виду тот факт, что Шевченко не дождал всего нескольких дней до так называемого освобождения крестьян (манifest Александра II был обнародован 5 марта по старому стилю).

Закономерно поставить вопрос: стал ли бы Шевченко действительно «петь день обетованного освобождения»? Герцен в этом ошибся. Освобождение крестьян в том виде, как оно было проведено царским правительством, конечно, не могло вызвать восторженного приветствия со стороны Шевченко: для этого нашлись другие поэты — из дворянского умеренно-либерального лагеря.

Творчество Шевченко, великого украинского национального поэта, было теснейшим образом связано с крестьянством, с его наиболее угнетенной частью — бедняцко-батрацкими низами. Шевченко прежде всего — гениальный выразитель революционного протеста этих масс, непоколебимый борец за свержение царизма и власти помещиков. Совершенно сознательно он принимал на себя роль поэтического организатора крестьянских чувств и стремлений. Когда в 1840 году вышел первый изданный его «Кобзарь» (собрание стихов), часть дворянской критики встретила книгу насмешками. Шевченко писал по этому поводу: «Взмахают мотыгу энцианством, сиречь, дураком. Пусть я буду и мужицкий поэт, лишь бы только поэт, мне больше ничего и не нужно!»

Тяжелое положение украинского крепостного крестьянства Шевченко изображал в десятках стихотворений. Вот одна из картин крестьянского «гража»:

«Он гланы: у тім раі, що ты вокидаеш,
Латану снитну з каліас знають,
З шкуру знімають,—бо нічим обуть
Князем недорослях. А он розпинають

Вдому за подушню; а сина кують,
Едино сына, єдину дитину,
Єдину надію! — в війско одлають!
Бо його, бач, трохні А онде від тиню!
(Слухати дитину — голодне мре,
А мати шпонує на панщині жне».

Наймити и найнички, батраки и батрачки— вот иллюстренные герои Шевченко. Характерно, что и легендарная «богородица» Мария (в поэме «Мария») у него — батрачка, в конце концов она умирает с голоду под тиню в бурьяне.

Певец и заступник беднейшего крестьянства, кровно с ним связанный, Шевченко, однако, не разделял заблуждений и предрассудков отсталых его слоев. Среди части крестьян довольно долго держались какие-то наредки из царя: царь, мол, узнает нужду народа и выступит на его защиту, царь отдаст землю крестьянам. Ни в один период своей сознательной жизни Шевченко не пытал и тени подобных иллюзий.

Он прекрасно понимал ту связь, которая существовала между самодержавной властью и дворянством, и пытал к царю жестокую ненависть. Цари для него «погане», он мечтал о том времени, когда

«Окують царей неситих
В залізній пута
І їх, славних, околами
Русини окураті.
І оудять неправдних
Судом своїм правим».

Произведения Шевченко «Сон» (1844) и «Кавказ» (1845) — это потрясающей силы удары по русскому царизму. Поэт жестоко издевается над «помазанниками», желает им скорейшей гибели.

Нащо задляєш вам царя!
Нащо задляєш вам псаря?

Ваші ж такі люди, не собаки! — говорит он в одном стихотворении 1860 года.

Ненависть Шевченко к русским самодержкам, естественно, распространялась и на тех, кто составлял опору царизма, — на придворную знать, бюрократию, военшину и попов. Лишь составившим ближайшее окружение царя, поэт называет немых, подлыми рабами, лакеями «пыльного Капрала, одетыми в расшитые лифры, и т. д.

Реакционная роль духовенства, освящающего именованного бога всемеропиями власти, была со-

вершенно ясна для Шевченко, и он часто говорит с умерением о поповском лицемерии. Вот несколько его строк о неясного рода духовенстве — православном и ином:

«А мати, божи і жерці
(Неначе наші паюти!)
В храмах, в пагодах готувались,
Моя кабіна пацям на сало
Та на кобаси. І царі
Самі собі побудували
Храми, кумирні, олтари.
Раби німні поклонялись».

Учужденіе крестьянской доли Шевченко ожидал только от крестьянской революции. В 1858 году, когда в либеральных кругах усиленно шли разговоры о начале правительства освобождения и многие волагали на него большие надежды, Шевченко писал, что нужно всем миром остричь топоры — вот тогда только можно добиться воли. Пламенные призывы крестьян-бедняков к революции, к кровавой расправе с помещиками и правительством произзывают все его творчество. Шевченко призывает поработенных крестьян встать, разорвать цепи «И алдекойскій вражий кроваво-волю окропяти» («Занопіт»). В дальнейшем он мечтал о братстве народов, сбросивших с себя цепи, о людском великом союзе, в котором нет ни богатых, ни бедных, а все равны.

Огненными словами говорит Шевченко о неволимости доле крестьян, о востании и мести. Ничего подобного по силе и страстности нельзя указать в современной ему литературе. Конечно, наиболее революционные произведения Шевченко не могли появиться в царской России ни при жизни поэта, ни после его смерти. Легально печатавшийся «Кобзарь» был совершенно выколочен, лишен своего пафоса и силы. Только после революции 1905 года «Кобзарь» впервые мог выйти в России полностью.

Страстный провозвестник беспощадной революции, Шевченко был в то же время и великим гуманистом, у него были непереносимые заласы душевной мягкости. С безграничной нежностью говорит Шевченко о всех слабых и беззащитных. Величайшее его сочувствие выливалось дети, сироты, обманутые девушки. Громидное место в поэзии Шевченко занимают переживания матери. Из русских поэтов в этом отношении с ним можно сопоставить только Некрасова.

Во всех произведениях Шевченко чувствуется его великий патриотизм.

«Я так її, я так люблю
Мою Україну убогу,
Що прокляну святого бога,
За неї душу погублю!» —

вскликает он в стихотворении «Сон», написанном в Орской крепости.

Патриотизм Шевченко ни в какой мере не был национализмом, проявлением враждебного или презрительного отношения к другим нациям. Шевченко ясно видел, что в каждой нации есть угнетаемые и угнетатели; он отдавал свои симпатии первым и чувствовал горячую ненависть ко вторым. К нему вполне применимы слова Пушкина о польском поэте Мицкевиче: «Нередко он говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

К русскому революционному движению Шевченко относился с самым горячим сочувствием. Об этом говорит его «Дневник» 1857—1858 годов. Познакомившись с одним возвратившимся из ссылки декабристом, Шевченко записал на страницах «Дневника»: «Благородно перед тобою, один из перловыхых влиих апостолов». То же название «апостол» он применяет неоднократно и к Герцену, к деятельности которого относится с трогательным уважением. Увидавши его портрет, он немедленно срисовывает его для себя; когда в его руки попал в первый раз номер герценовского «Колокола», Шевченко «благоговейно облюбовал его». Так дорога ему были борцы за освобождение русского народа.

Стихи Шевченко замечательны не только по мыслям, вложенным в них; поражает их музыкальность и удивительное соответствие ритма содержанию. Шевченко никогда не говорит пустых и громких слов: всегда в этих словах слышится его горячая и страстная душа, всегда он искренен и весь отдается захватывающему его чувству. Шевченко начал писать в тридцатые годы, когда в литературе сильны еще были романтические напевы, модным было увлечение блестящими, громкими словами и необыкновенными, эффектными положениями. Многие начинающие писатели шли по этой проторенной дорожке. Шевченко сумел сразу отбросить эту условную красоту и стал на дорогу поэта-реалиста.

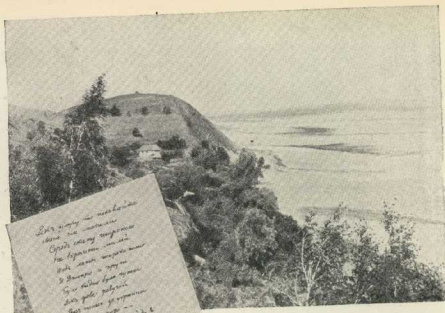
Вместе уже убывало, что Шевченко мог быть не только пламенным трибуном или дальним дельтиром, но и великим, лирическим певцом. Например стихотворение «Вечер», написанное в 1847 году в тюрьме заключения, является настоящей жемчужиной написанной ималлей крестьянской жизни.

Подлинный сын народа, Шевченко в полной мере использовал в своем творчестве все богатства народной поэзии. Это — не подражание народному творчеству, а его как бы естественное продолжение и развитие.

125-летие со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко отмечается в нашей стране большим всенародным праздником культуры.

Народы великого Советского Союза, победоносно строя коммунистическое общество, выковывая новую культуру, помнят и чтут память Тараса Шевченко.

Имя Шевченко живет и будет жить как в сердце украинца, так и в сердце русского, узбека, белоруса, грузина, молдаванина, ибо этот великий революционный украинский поэт дорог и близок всем народам нашего многонационального Союза.

Т. Г. Шевченко

ЗАПОВІТ

Как умру — похороните
Вы меня в могиле
На кургане, над простором
Украины милой,
Чтоб поля необозримы,
Чтобы Днепр, и кручи
Было видно, было слышно,
Как ревет ручей.
Как помнит он с Украины
Прямо в сине-морю
Кровь всех воров, — тогда я
И поля и горы —
Все покину, в небо ринусь,
К большому порогу
Помолюсь. А до тех пор
Я не знаю бога.
Схороните меня, вставайте,
Цени разорвiate,
И злодейской вращай кровью
Волны оспорите.
И меня в семье великой,
В семье волюй, новой,
Не забудьте, помните
Добрым, таким словом.

1845 г. Перевод Н. Тахонва

На фото сверху: могила Шевченко в Каневе, на горе над Днепром. Внизу: авторграф Т. Г. Шевченко — «заповіт».

Издания Шевченко

★ Около 80 лет переводятся произведения гениального украинского поэта на русский язык, но переведено далеко еще не все. Многие вещи Шевченко, переведенные до революции, исключила цензура, кое-что просто было запрещено. Так, цензура запретила стихи: «Иван Подкова», «Княжна» и др. Стихотворения эти, по мнению цензора, могли «взбудить в народных массах весьма опасные воспоминания».

Тираж дореволюционных изданий Шевченко составлял 196 150 экземпляров, за годы советской власти тираж этот увеличился до 2 384 545 экземпляров. За последние 20 лет тираж изданий Шевченко в 12 раз превымся тиражи предшествующих почти 80 лет.

★ К 125-летию юбилею Т. Г. Шевченко наши издательства подготовили ряд новых изданий его стихов.

★ Издательство «Советский писатель» выпустило поэму «Гайдамаки» (тираж — 20 000).

★ Гослитиздат выпустил 20-тысячным тиражом «Кобзарь», 150-тысячным тиражом «Поэмы» и 150-тысячным тиражом «Лирики». К юбилею выйдет также новое издание «Дневника» Шевченко.

★ Детиздат в специальной школьной серии выпустит избранные произведения Шевченко.

★ Все народы нашей страны любят и ценят стихи Тараса Григорьевича Шевченко.

Поэт Гегам Сарян перевел на армянский язык «Кобзарь».

Выходит «Сборник произведений Шевченко на татарском и грузинском языках».

Поэты Узбекистана, Чувашской и Мордовской АССР работают над переводами стихов гениального поэта Украины.

На родине Шевченко

Портрет Т. Г. Шевченко в родине селе. Третий слева — акула брата поэта Х. П. Шевченко.

Хата, в которой жил поэт (рис. Т. Г. Шевченко).

Улицы села Шевченкови.

Шевченковка называлась раньше Кирваловка. Здесь родился отец и дядя Тараса Григорьевича Шевченко. Здесь произошло детство поэта. Родная хата Шевченко горела в 1898 году. О внешнем ее виде мы можем судить по рисунку поэта, с любовью зашпательшего скромный ее облик, белые стены под соломенной крышей.

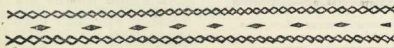
Один из родственников Тараса Шевченко, себородый Исакий Иванович Маламуж, свои молодые.

В Шевченковке более 6 тысяч жителей. В этом передовом селе Советской Украины высшая средняя школа, агробиоценоз, библиотека, прератный клуб. В школе — участка 1200 учеников, в техникуме — 257 студентов. Немало

специалистов для Шевченковки страны. На месте, где была хата поэта, поставлен небольшой памятник-обелиск. Немало же и Музея Шевченко, открытие которого приурочено к юбилейным дням.

Секретарь комитета колхоза «Красный партизан» села Шевченковици Гришко Марченко и работница сельскохозяйственного техникума Олена Коваленко.

НАД НЕВОЙ

Рассказ

Ц елый день из вареного льняного масла и мела Тарас приготовлял замазку для окон.

Работа была скучная и утомительная. Тарас мел замеску пальцами. Как тесто, он давил ее ладонями, скатывая в колобок. Серая маслянистая замазка прилипла к пальцам, забивалась под ногти. Уже устали руки, болела спина. Хотелось бросить работу, но хозяйня все еще не была.

Рядом, в полутемном углу мастерской, двое мальчишек-подмастерьев мелевали жесткую замазку для постоянного авора. Как и Тарас, оба они были отцами в наивысших помощниках в мастерской подяржачка-живописца Ширяева.

Третий подмастерье, тоже крепостной, ровесник Тараса, белобрый Касьян, подобрали поля халата и стоя на коленях, стелил чинашную голубой краской высокую окошную раму. Смешное, везучее лицо Касьяна было забрызгано краской.

Тарас шагнул к нему, но вдруг вышурпалась шага.

Все четверо подняли головы.

Шаги приближались. По скрипящей деревянной лестнице кто-то поднимался в мастерскую.

— Хозяин! — вышурпал Касьян и еще ниже нагнулся над своей рамой.

Тарас отскочил к верстаку.

Стукача шею, открылась дверь, и на пороге мастерской появился хозяин. Сразу стало очень тихо.

Ширяев стоял на пороге без картуза, рыжий и широкоплечий. Его курчавые огненные волосы светились как лампа в полумраке мастерской, плотный нахмуренный лоб был раскраснел; в ушах его хитрые глаза лоснились, блестя: видно было, что хозяин пришел злоро-вным пьяным. Не даром он держался одной рукой за коски двери.

Ширяев трясся, но на всю ма-стерскую, закричал:

— Спать, мерзавцы, ну! Спать!

Но сразу же толос его осветил, и точно обжегшись от своего грезного кришного окрика, Ширяев стал опускаться вниз. Сперва он приседал медленно, осторожно, рука его скользила по коскам, поскоже было, он на молитву становился, но затем он не удержался и гудко повалился на дощатый пол у самой двери. И сразу захрипел...

Осторожно переступая через спящего хозяина, ученики пошли в свою спальню на чердак.

Спать Тарасу не хотелось. Он долго ворочался на жестком матрасе. Рядом нохранивали сразу же крепко заснувшие его соседи. Сквозь глухое окно просачивался свет. Тарас затеялос уйти отсюда на волю, туда, где можно любоваться прекрасным светом белой ночи. Он поднялся, и там-чуть не слетел с косяка. Тяжело, чтобы не разбудить соседей, Тарас вытаскил из-под колобков свертки бумаги, нащупал в кармане отрезок карандаша. И, несильно протрявывая дверь, стал спускаться вниз по узенькой лестнице.

Сойдя с последней ступеньки на площадку, Тарас прислушался. Теперь его мог поймать сторож. Ширяев раз навсегда принаказ сторожу никого из подмастерьев ночью из дому не выпускать. Тарас толкнул вперед дверь. Она, скрипя, немного отошла. В

нищ Тарас увидел сторожа. Он спал на скамеечке около крыльца, подогнув под себя одеяло в ладни ноги и закрыл лицо картузом. Его колотушка лежала под скамейкой. Тарас на цыпочках прошел мимо сторожа и выдохнул только за углом, когда крыльцо этого проследитого высокого дома скрылось из виду.

Он пробрался к Неве тихими, пустыни улицами. Навстречу попалос какой-то злопазлый чиновник в длинном мундире. Они молча разминувшись, в чиновник, ступил по тротуару подметками, оглянулся вслед Тарасу. Чиновник никак не мог понять, откуда вылез здесь, в Петербурге, в столице, ночью этот бродяга в деревянных хлящевых ботинках, без шапки да еще с каким-то страшным свертком подмышкой.

А утробный большеголовый Тарас продолжал свою путь в тени сонных, молчаливых домов. Его тиковый халат был замаслен и лоснился даже сейчас, белой ночью. Где-то вдалеке, возле Невы, проносилось далекое протяжное:

— Сауша-а-й!

— Сауша-а-й! — ответили где-то в другой стороне.

Это перекликались сторожа у лесных складов.

Ворота в Летний сад были открыты. Тарас пронырнул в них и, крадучись, пошел в глубь сада по широкой аллее. Очень сильно пахли в эту светлую ночь цветы на круглых клумбах. В глубоком пруду блестяла неподвижно, точно застывшая вода.

По обеим сторонам аллеи, как часовые, высились арматурные статуи древних богинь. Одна из них выросла из-за дерева так внезапно, что Тарас вздрогнул и шаркнулся в сторону, прямо в окорку от росы траву. Вот круглая,

слегка поспянная бессон показались в тени деревьев высокая площадка. Несколько скамеек с вытуканными спинками чересом на ней, а сбоку, у поворотка аллеи к Неве, Тарас увидел белую статую богини с козлом за спиной. Эту богиню он начал рисовать еще в позорную ночь. Богиня стояла на высоком постаменте, слегка наклонив голову; она как бы готовилась сойти на землю.

Тарас закутался плотнее в свой халат, сел на холодную скамеечку напротив статуи и развернул перед собой лист бумаги.

Как это было приятно: после пыльной, душной мастерской Ширяева сейчас здесь одному, в просторном Летнем саду, на чистом, свежем воздухе, трепать босую голую холодную, наступившую землю и рисовать не то, что тебе заставляют, а то, что тебе самому хочется.

Поглядывая исподлобья на высокую статую, запомнив наизусть ее, Тарас быстро водил карандашом по бумаге. Бумага шуршала, прогибалась у него на коленях, но он не замечал этого.

Далеко за полночь рисунок был готов. Тарас встал, потянулся, спяния его болела, пальцы правой руки, долго сжимавшие карандаш, ныли. Очень хотелось есть. Тарас медленно пошел к высокой решетчатой ограде Летнего сада. Он сперва алел в сторону Кавказского пруда несколько шагов, прикоснулся лицом к холодной железной решетке. Там, за Невой, на светлом нежноголубом небе чернел острый шпиль Петропавловской крепости, и в обе стороны от ее мармальных каменных стен уходили такие же черные, блестящие сады. А под стенами крепости тихая-тихая и слегка лиловая спокойнее текла широкая Нева. И вдруг Шевченко вспомнил свою Украину, как они вдвоем с отцом ехали в Крым за солью и заночевали на высоком берегу Днепра. Вечером Днепр был такой же тихий и спокойный, как сейчас Нева. Вдоль берега Днепра порос вьюнком, когде из отступа песка поднималась скала. Пока отец распрягал возов и разжал костер, маленький, десятилетний Тарас сбавил с горюшки и Диепр развелся маткой ступая усталыми ногами по влажному песку, взошел в воду. Он бархателся в чистой дшепровой воде, шлепая по ней ладонями, отмылся с затертого лица ступеню пылью. Летние бурные волны расхаживали от него во все стороны, подкатывались к берегу.

Но ступил Тарас только выскокить из берет, как ресса утомилась, и, казалось, ничто не могло уже больше потреть его.

Но вот ночью, когда они спали под волюном, прямо на колечей оскосе, проносилась над рекой буря, одна за другой побежала по нему волны, и было очень страшно смотреть, как волновался Днепр в ту ночь.

Тарас почувствовал, как слезы выступили у него на глазах. Он отошел в сторону, сел на скамейку, ругаясь, что его снова потреть к отрезку карандаша.

Он вытаскил его из кармана, развернул рисунок. Чужая, мертвая смотрела на него рисунку статуи богини с пустыни выданными вместо глаз. Шевченко перевелу рисунок, одна рука его легла на бумагу, он подумал и стал дышать.

Писать он долго, не останавливаясь, на родном и любимом своем языке.

И вскоре на бумаге чернели ровные ряды строчек:

Ревь та стогна Днепр широкий,
Сверженей згор пашня,
Силокучу юроче мовина,
Горани хвиля пашня,
И блдний мисень на ту пору
И хмари зв-де гниднли,
Невазе члене в синим мори,
Ту мовину поповолю,
Що трет пшани не свилан,
Дяко жде не ромонти,
Очи в гато перекривиле,
Та длет рос — у — раз скривити.

...Так в летнюю весеннюю ночь 1838 года в Беглов саду, в городе Петербурге, было начато стихотворение Тараса Шевченко «Принцип».

Автопортрет Т. Г. Шевченко к поэме «Катерина» (1842 год.)

СВЕРДЛОВ

18 марта 1919 года, в день Парижской коммуны, в Москве, на Красной площади, состоялся похороны председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Якова Михайловича Свердловы.

В тот же день на экстренном заседании ВЦИК, посвященном памяти Я. М. Свердлова, выступил Владимир Ильич Ленин. В своей речи Ленин подробно разобрал, проанализировал все этапы замечательной жизни выдающегося proletарского революционера.

Восторженную оценку Свердлову как строителю новой России¹ дает товарищ Сталин в статье, написанной к 5-летию со дня смерти Свердлова²:

«В партии не найдется людей, которые решились бы отрицать, что Я. М. Свердлов был одним из первых, если не первым, который умело и безболезненно разрешил эту организационную задачу по строительству новой России.

* * *

Яков Михайлович Свердлов, сын нижегородского ремесленника, родился в мае 1885 года.

По окончании четырех классов гимназии Яков Свердлов начинает свою трудовую жизнь учеником в аптеке и уже с этого раннего пору, когда ему едва лишь исполнилось 15 лет, включается в активную революционную борьбу. То было время подъема рабочего движения в России. Несмотря на крайнюю непопулярность, несмотря на безработицу рабочие движение начало принимать все более и более революционный характер, рабочие стали переходить от стачек к политическим демонстрациям на улицах городов и открыто высказывать лозунг «Долой царское самодержавие!»

Вот в одной из таких демонстраций в Нижнем участвует в апреле 1902 года 17-летний Свердлов.

После демонстрации Свердлов впервые печатно «приветствует» царскую тюрьму. Он выходит из тюрьмы, но царские охранники бежут под сапожниками, продолжаясь до самого 1917 года.

Характерно, что вначале Свердлов фигурирует у охранников под кличкой «Малыш», а в дальнейшем оно переименовывается в «Махровое».

Этот «Малыш» уже тогда, в юношеском возрасте, обладает неистощимым запасом революционной энергии, конспиративными навыками, железной волей, бесстрашной преданностью делу революции. Молодой Свердлов пользуется большим авторитетом среди нижегородских и саратовских передовых рабочих. В декабре осенью 1903 года, когда до Свердловы доходит весть о том, что партия на II съезде раскололась на большевиков и меньшевиков, он становится горячим защитником Ленина. С тех пор на протяжении всей своей жизни он неизменно остается на большевистских позициях.

Центральный Комитет партии неоднократно посылал Свердлову направлять партийную работу в Казань, Нижний, Сарово, Саратов. Свердлов проводит огромную работу на Урале.

В конце 1905 года царским правительством было подавлено героическое декабрьское восстание московских рабочих. Но революционные рабочие и крестьяне отступили с боями, и особенно ярко это проявилось на Урале, где работал Свердлов.

В исключительно трудных, конспиративных условиях Свердлов облекает крупные рабочие массы Урала, заключаясь, остается в поле зрения первой областной уральской организации большевиков.

Должностно долгое время управлял Свердловую группой уральской конспирации, оставаясь в поле зрения, несмотря на то что подлился гонимая за

ним по пятам, а за его голову обещано было 5 тысяч рублей. Но пареской жандармерии удалось внедрить в организацию провокаторов, и один из них, Алексей Вотнов, выдал Свердловы, указав, что тот поручил ему, Вотнову, завладеть складом оружия.

О самом моменте своего ареста Свердлов,

начальнику тюрьмы, которые достаточно ярко характеризуют программу теоретических занятий Свердловы:

«Прочту господа начальнику сделать распоряжение о выдаче мне выписки из «Горюемого журнала» о прогулках, 1889 или в такт, если возможно, дать для ознакомления и список неразрешенных книг.

Прочту также разрешить покупку за мой счет следующих книг в антикварном книжном магазине: 1) К. Маркс «История теории прибавочной стоимости», перевод Стрельского, издание «Образование», 1906 г.; 2) Парvus «Мировой рынок», издание Поповых, 1889 или 1900 г.; 3) Каутский «Утопия Томаса Мора»; 4) Фр. Меринг «История германской социал-демократии», издание Б. Гранат (купить в том случае, если за все 4 тома не дороже 4 руб.); 5) Э. Берштейн «Исторический материализм», издание «Знание», 28 января 1911 года.

Яков Михайлович Свердлов.

Спустя несколько дней Свердлов опять пишет начальнику дома предварительного заключения:

«Из числа двух книг, разрешенных мне жандармерским управлением, но не выданных на основании циркуляров Главного тюремного Упр., только одна помещена в списке произведений печати, которые были запрещены к обращению в публичных библиотеках и в общественных читальнях и т. д., а именно тома I и II тома «Капитала» Маркса, III же том не упомянут. На основании этого прошу сделать распоряжение о выдаче мне указанного III тома. 8 февраля 1911 г.

Яков Михайлович Свердлов³.

Приехав издеваться в Петербург, Свердлов встречается там с боящимся и это же время при помощи Серго Орджоникидзе из вологодской ссылки товарищам Стальным, Сталин и Свердловым были арестованы и сосланы в 1913 году. Они проводят в жизнь решения Пражской конференции партии, на которой Сталин и Свердлов, еще находившиеся в ссылке, заочно были избраны в ЦК. Сталин и Свердлов руководят выступившими большевистской фракции в ЦК, направляют работу созданной Лениным и Сталиным «Правды».

Выдавшие провокатором Малюхиным, Сталин и Свердлов были арестованы и сосланы в 1913 году в Турухинский край, где пробыли до самой февральской революции.

* * *

Едва получив радостную весть о падении царизма, Свердлов читает на свой любимый Урал. Здесь он сразу становится во главе уральских революционных масс.

В апреле 1917 года Свердлов приезжает в Петроград на Всероссийскую апрельскую конференцию. Ленин не отпускает его назад на Урал. Свердлов с головой уходит в партийную работу. Весь свой богатейший опыт организатора, все свое кипучую энергию отдает Свердлов подготовке вооруженного восстания. Особенно большое внимание уделяет Свердлов работе в армии: он руководит военной организацией большевиков.

Историческое заседание ЦК партии большевиков 10 октября 1917 года, на котором всеми голосами против двух был решен вопрос о вооруженном восстании, отдает власть, происходило под председательством Свердловы.

«Против этого исторического решения выступили и голубые, и белые, члены ЦК — Каменев и Зиновьев. Они так же как и меньшевики, мечтали о буржуазной парламентарной республике и клеветали на рабочий класс, утверждая, что у него нет сознания, что он существует в историческом развитии, что он еще не досуд до власти прийти.

Несколько раз Свердлов пытался бежать, но все эти попытки кончались неудачно. Только в 1912 году побег удается.

Находясь в тюрьмах, Свердлов по своему обещанию старается времени не терять и усердно занимается пополнением своего теоретического багажа. Среди документов, сохранившихся в архиве департамента полиции, мы находим интересные записки Свердловы

¹ Впервые напечатана в журнале «Пролетарская революция» № 11/34 за 1924 год.

² На заглавие революции: «Выдать! Пр. К. Инженерно-приказная расписка Свердловы о получении III тома «Капитала».

Хоти Троцкий на этом заседании прямо не голосовал против резолюции, но он предложил такую поправку к резолюции, которая должна была свести на нет и проводить восстание. Он предложил не начинать восстания до открытия II съезда Советов, что означало — затянуть дело восстания, заранее расширивать день восстания, предупредить об этом Временное правительство.

15 октября на расширенном заседании ЦК партии избирается партийный центр по руководству восстанием, с товарищем Сталиным во главе. В состав этого центра входит Я. М. Свердлов.

Великая Октябрьская социалистическая революция победила. Лозунг «Вся власть Советам!» была осуществлена. Наступил период ожесточенной борьбы против многочисленных врагов советской власти — за укрепление диктатуры пролетариата.

В эти трудные дни присяжные реставраторы капитализма Клементьев, Зиновьев, Рыков и К^е вместе с жерями и меньшевиками предельно пытаются сорвать победу советской власти. В борьбе против этих капитуловтов и дезертиров Свердлов со всей решительностью поддерживает Ленина и Сталина. 21 ноября 1917 года на заседании ВЦИК Свердлов избирается председателем ВЦИК.

* * *

В феврале — марте 1918 года, в ослеп трудной, опасной для молодой советской республики момент, большевистской партии, Ленину, Сталину и Свердлову пришлось выдержать ожесточенную борьбу с изменником Троцким, его подручными Бухариным, Пятаковым и др., пытавшимися сорвать брестский мир и прикрывавшимися тогда своею глупостью, предательскую работу «левых» фракций.

В борьбе с предателями Свердлов горю закладывает ленинскую линию на передышку, на заключение брестского мира.

† История ВКП(б), стр. 199.

Троцкисты, «левые коммунисты» вместе с «левыми» эсерами заманили провабистов контрреволюционной веревкой. Как ныне с точностью установлено судебным процессом по делу антисоветского «справоротского» блока, Троцкий, Бухарин и их сообщники, готовя убийство любимых вождей пролетариата Ленина и Сталина, заманили своей жервой и Свердлова. Однако черные замыслы предателей провалились.

Весной и летом 1918 года молодая советская республика испытывала серьезные продовольственные затруднения. Государству необходимо было хлеб, а кулаки отказывались давать его. Возле паля спекуляция хлебом.

В этот период Свердлов уделяет исключительное внимание работе в деревне. Он продвигает огромную работу, отправляя рабочие продовольственные отряды в деревню за хлебом.

«Организатор до мозга костей», по выражению товарища Сталина, Свердлов неизменно доказывал, что партия будет справляться с возложенными на нее историей грандиозными задачами только лишь при условии постоянного оворна по массе, и только лишь при активной работе всех слоев партии.

Свердлова целиком захватывала титаническая работа по строительству советской власти не только в центре, но и на местах.

2 марта 1919 года Свердлов выступал в Харьковом на III съезде компартии Украины. 6 марта, т. е. за 10 дней до своей смерти, он собрался из Харькова вернуться в Москву и желал использовать каждую минуту своей командировки, рассылает ряд телеграмм местным работникам: а Белгород, Курск, Орел, Тулу, Серпухов — чтобы те явились на эти станции во время остановки поезда для инструктажа.

На станции приходили не только местные руководители, но и массы, и Свердлов выступал перед ними с пламенными речами, в ко-

торых звучала непоколебимая уверенность в грядущей победе пролетарской революции.

На одном из таких митингов на открытой платформе станции, разгоревший выступлением, Свердлов схватывает жесткую простуду. Для его алтарного здоровья это заболевание полагается несложной работой организма эта простуда оказалась роковой. Он вернулся в Москву больным, а 16 марта 1919 года Я. М. Свердлов не стало.

20 марта 1919 года в «Правде» была напечатана статья о Ленине, посвященная Свердлову как крупнейшему организатору партии и советской власти.

«...Если нам удалось, — писал Владимир Ильич, — в течение более чем года выработать основные задачи, которые должны лежать на узкой круг беззаветных революционеров, если крупные группы могли так твердо, так быстро, так единодушно решать труднейшие вопросы, то это только потому, что являлся человек, предвидящий все намечавший, исключительный, талантливый организатор, как Яков Михайлович».

«...Мы глубоко уверены, что пролетарская революция в России и во всем мире выдвинет группы и группы людей, выдвинет многозначительные кадры, как из традиционных крестьян, которые дают то практическое знание жизни, тот, если не единственный, то коллективный организаторский талант, без которого невозможно ярмины пролетариата бороться с своей победой» (Собр. соч. т. XIV, стр. 82, 83).

Как пророчески звучат эти ленинские слова в наши дни — дни подготовки к XVIII съезду нашей партии, когда «партия выдвинула на руководящие посты десятка и сотни тысяч молодых талантливых работников. Это — результат большой воспитательной работы, проведенной партией, это — показатель мастерства строител, требующий все новых и новых сил... Выдающиеся новых кадров — лучший показатель того, что таланты в нашем народе — колоссальные, неисчерпаемые источники» (передовая «Правды» от 28 января 1939 года).

ПАРТИЙНЫЙ ПЕСА

(Павел Греков Б. Войтехов и Л. Ленна в Московском Театре Революции)

Павел Греков — песа о мужественном человеке, стойком коммунисте, исключенном из партии старинными врагами и вновь и вновь новыми пособниками. Молодые драматурги Б. Войтехов и Л. Ленна показали борьбу и победу истинного коммуниста, которого враги хотели сломить и затоптать в грязь.

Все обстоятельства против Грекова. Он покинул семью, которую считал друзьями, оклеветали. Тупые, бездумные люди в двадцать минут попятались зачеркнуть и опознать года честного труда, горячая жерта.

Грекову нелегко. В песе есть прекрасная сцена, когда Павел управляет старую соседу по работе, в доме, Греков один, ни одна жерба не срывается с его губ. Но по тому, как тыгит его одиночество, как изобит он остается надежен со своими мыслями, видно, насколько он изучен. Павел переваривает тысячу трагедий, как бы ни была сильная опухоль, все же он живой, чувствующий человек.

Представим себе на минуту на месте Грекова человека иного склада, менее идейного, менее закаленного, менее энергичного. Какая благодарная почва для отчаяния, для человеконенавистничества, для ухода в себя! Но Па-

велем уловных, требующих твердости, решительности, отага. Правда, все это была не простая борьба. Но в Средней Азии ему случалось иметь дело и с замаскированными врагами...

Кому-то нужно, чтобы он, Греков, оказался все партии. Борьба Павла за партийный билет — не только его личное дело. Это — сравнение с тем, кто хитроумно и обманом пробрался в партию, кто, прикрываясь громкими словами, делает свое грязное дело.

Кто виновен в исключении Грекова из партии? Врагов у него не считали. Это Соркин, новоявленный чар заре туманной октябрю фамилию Смирнова — активный, хитрый враг; это помощник Сергеева — бывший офицер Ленинский, это, наконец, буржуазный националист Нарзулаев. Все они сознательно, обдуманно стремятся уничтожить Грекова. Но характер Грекова, что вопреку об исключении Грекова из партии первым поднимает секретарь райкома Ридай.

Ридай — лицо, на первый взгляд, злободневное. Он появляется только в одной из десяти картин песа. Ридай ничтожен, но эта мелкая, епачевная фигура заслуживает особо пристального внимания... С появлением таких Ридаев кое-где осуществлялась осуждения стилизм Центральными Комитетами партии практика формального и бездумно-бюрократического отношения к судьбе коммунистов. Подобными личностями широко пользуются, замаскированные враги стремятся перебить честные партийные кадры и по-

Заслуженный артист РСФСР М. Ф. Астахов в роли Павла Грекова.

сечь излившим подозрительным в партии членам.

Этот — позволения сказать, секретарь райкома, работа бок о бок с Грековым, совершенно не представляет себе его как живого человека, как работника. Греков для него — некая единица, которой предьявлено обвинение людям, по мнению Ридая, авторитетным. Единству эту vuole налить на организацию, в которой секретарствует он, Ридай.

Ридай противопоставлен в песе автору Павла Грекова, на стоицизм, на честность. Так секретарь райкома Ковалев, такого замаркало Мир-Ахмедова. Люди, охорошо знающие Грекова в быту и по работе, видят, что произведен двойничная ошибка, и всецело стараются подобрать, поддержать его. Жена остается верным другом Павла в самые трудные минуты. Зрителю, наконец, что партия не обмануть, что настоящее лицо партии — это Мир-Ахмедова, это Ковалев — прекрасный, умный работник, чуткий, внимательный человек.

Песа «Павел Греков» учит не только твердости, большевистской принципиальности, но и чуткости к человеку, вниманию к каждому человеку. Песа Войтехова и Ленна может служить иллюстрацией к тому тезису докладов А. Жданова на XVIII съезде ВКП(б), где говорится о необходимости внимательного подхода к делу каждого партия, об ограждении прав коммуниста от всякого произвола.

Ю. НЕЙМАН

Если завтра война...

Во дворе дома № 21 по Ленинградскому шоссе, на воротах одной из конюшен, пригнана белая дощечка с надписью: «Конноспортивная школа «Пинневак». Это одна из сотни конных школ, организованных по всему Советскому Союзу добровольными спортивными обществами.

Помещение огромной конюшни приспособлено под манеж. Под

Слезки. Пока Слезкин шел по земле, он выглядел тельняшником хрюкким мальчиком, но в седле он кажется значительно взрослее; гордая лошадь послушно подчиняется всем движениям юного всадника.

Совсем недавно, немного более года назад, Виктор Слезкин впервые пришел в манеж на соревнования. Наблюдая, как мчатся всадники на хранимых лошадях, как расплывается лошадь в воздухе, перемалывая через высокий забор, он твердо решил овладеть этим увлекательным спортом. Сейчас Слезкин — чемпион Советского Союза по конному спорту (в группе пионеров). Его заветная мечта — стать мастером этого дела.

Сверстники Слезкина: рословатый кришш Борис Ливов, совсем крохотный Соколов и многие другие ребята — уже имеют звания юных всадников-спортсменов.

Конный спорт, бывший до революции самым аристократическим видом спорта, становится одним из любимых занятий советской молодежи. В конной школе «Пинневак» занимаются учащиеся

средней школы Сергея Громова, братья Стенда и Владимир Миков, работницы табачной фабрики «Дукат» Вера Макалкова, Валя Нонцева и другие.

После пионерской группы занимаются спортсмены «Дуката». Юноши в бриджах и девушки в байковых спортивных костюмах скачут рысью, мчатся галопом и, меняя на-

правление, едут «эмлейбой», обгнывая колонны манежа.

— Сегодня будем прыгать! — говорит инструктор к великой радости занимающихся.

На земле плашмя кладется жердь. Сперва лошадь должна прыгнуть просто переступить через нее. Затем жердь поднимается все выше и выше. Лошадь, с привычкой к их швам всадниками, одна за другой проносится над планкой.

Целый день идут занятия. Еще не кончила заниматься смева «Дуката», а в конюшне уже слышат лошадей ученики ФЭУ треста хлебопечения. Это совсем новички. Девушки испуганно вскрикивают, если лошадь начинает захрапывать зад, «гнать», но никто из них не отказывается от учебы, никто не хочет слезать с лошади.

Однако вы не думайте, что сразу так и пойдут на лошадей. Сперва вы пройдете строй. Потом узнаете устройство седла, познакомитесь с правилами ухода за лошадью, вообще узнаете массу полезных вещей. Вы уже не будете думать, что «шпенкель» — это какая-то металлическая штычка, а по команде «Послать ионкедем» прижете икры к бокам лошади. Сперва вы будете ездить преимущественно шагом и трясковой учебной рысью и совсем не скоро перейдете на приятный, захватывающий дух галоп. Проходит немало недель, пока вы научитесь преодолевать высокие барьеры, рубить шанкой

на полном скаку, познакомитесь со службой дозора, связи и всем тем, что нужно для получения звания всадника-спортсмена.

В манеже зажигают свет. Сейчас, в послеобеденные часы, здесь тренируются лучшие конные школы. В центре манежа грандиозно стелется рыжая кобыла. Мастер конного спорта А. Левина демонстрирует высший класс ез-

посланы густым слоем опилок, стены и колонны обшиты на высоте роста досками, чтобы всадник не повредил себе колени. У школы есть свой манеж, есть и свои собственные 33 лошади.

Рано утром начинаются занятия. Сажая высокие скака манежа пробивается солнечный свет, желтые квадраты лежат на опилках... Вдоль стен группа ребят пионерского возраста ведет в поводу лошадей: 13—14-летние парнишки едва достают до крупы лошадей. Но вот они садятся на лошадей, и сразу видешь, что юные всадники держатся в седле уверенно и красиво.

— Р-р-р-р-р-р-р, марш! — раскашавшись командует инструктор Чулкин, подпрыгивая, по-кавалерийски шеголеватый, в синей куртке и шапке-кубанке.

Впереди, на рыжей кобыле скачет ученик 6-го класса 128-й школы Советского района Виктор

ды. Вдоль стены скачет на вороной чистокровной красавице «Ледя» 16-летний чемпион страны комсомолец Валентин Милин.

150 воронинских всадников подготовила школа в прошлом году. 200 всадников будет выступать в этом году. Директор школы фабрики «Дукат», «Ява», «Красная Октябрь» с головокружительной скоростью, поднимая за собой смежные вышки, мчатся за дощечками на лямках, скаку рубят шанкой, учатся метать с седла гранаты, чтобы вступить в красную конницу подготовленными кавалеристами.

И если грянет война, если враг нападет на нашу страну, десятки тысяч молодых воронинских всадников оседлают боевых коней, чтобы бить врага так же нещадно и сокрушительно, как были интересны и безоглядны в героические боица легендарной Первой Конной.

Л. КОСТИН

ЧАПЛИН ПРОТИВ ФАШИЗМА

В конце 1938 года газета па печатала тассовское телеграмм на Нью-Йорка, сообщавшую о новом фильме Чарли Чаплина — «Диктатор».

«Хотя Чаплин не сообразил шкандыч подражать тассовскому телеграмм, — сказала телегазета, — однако газета утверждает, что это будет сатира на германский фашизм. Картина должна появиться на экранах уже в мае 1939 года. Главную роль будет исполнять Чарли Чаплин. Новый фильм будет звуковым: Чаплин отказался от традиционного молчания».

16 апреля 1939 года Чарли Чаплину исполнится 50 лет. Недавно этот замечательный артист праздновал 25-летний юбилей своей работы в кино.

Постановкой антифашистского фильма Чаплин как бы отмечает две знаменательные даты своей жизни.

Отношение Чаплина к фашистским варварам высказалось в одном из его ранних режис по адресу сегоднешних правителей Германии: — Я не могу себе представить, чтобы в наше время фашистские угрозы имели серьезное значение, но то, что над фашистами смеются больше чем над мифом, это меня серьезно беспокоит...

* * *

Чарльз Спенсер Чаплин — таково подлинное имя Чарли Чаплина — родился в бедной семье странствующих актеров.

Детство его протекало в обстановке суровой бедности.

Чарли был младшим из двух братьев. Оба мальчика с самых ранних лет начали выступать на подмостках английского мюзик-холла.

Со смертью отца семья лишилась ангажемента. Хана Чаплин поселилась с сыновьями в Лондоне. Она занялась шитьем и научила этому ремеслу мальчиков. Заработка трех елов едва хватало на голодное существование. Когда мать заболела, ее отправили в госпиталь и дети оставались одни.

Голод, жадные лохмотья, выселение за неуплату квартирной платы, похолода на Честер-стрит или сон под открытым небом, когда не было мяска на койку в ночлежке, — таково фон «мюзик-холла» детства Сидни и Чарли.

Старший брат вскоре покинул Чарли. Он поступил мальчиком в ресторан на парходе, уходящим в дальнее плавание.

— Чарли еще инстинктивно ревком начал выступать на сцене, — сообщает биограф Чаплина, — он исполнял танец «Джинга» в огромных деревянных башмаках. Чарли хорошо изучил акробатику, но однажды, когда ему было восемь лет, он упал, жестоко ушибив, и это оттолкнуло его от цирка...

Он стал работать подмастерьем в парикмахерской около Вестминстерского моста.

Затем он снова вернулся в

театр. Был певцом в небольших лондонских мюзик-холлах, выступал в варьете, в пантомиме Фредо Карно. Одно время изучал медицину и увлекался Шекспиром.

Чарли Чаплин.

В труппе Карно Чаплин содал ту комическую маску, которую он надевал пять лет назад перес на экран.

* * *

Его приход в кинематограф был неожиданным для него самого. В 1913 году труппа Карно гастролировала в Америке. На иту Чаплина обратил внимание директор

мюзик-холла кинофирмы Адам Кессель. Чарли имел успех у публики. Директор предложил молодому актеру играть в кинокомедии.

Чаплин, же положение в театре несколько упрочилось, боялся потерять место. Великий страх за завтрашний день еще не покинул его.

Лишь к концу года он, наконец, согласился заключить договор на съемки в кино. Первым фильмом с его участием состоял из одной части и назывался «Автомобильные гонки малышек».

Работа над фильмом в те времена длилась одну—две недели. Поэтому в первый же год прихода Чаплина в кино на экраны появилось больше двадцати картин с его участием. Но уминый, высочайший художник, Чаплин с годами посылал требования к себе. С 1918 по 1923 год, за пять лет, он поставил всего восемь небольших фильмов.

Первым крупным фильмом, поставленным Чаплином по его же сценарию, была «Баррикада». Сам Чаплин ограничился в этой картине лишь эпизодической ролью вокального исполнительца.

Лучшие фильмы Чаплина — «Золотая лихорадка» и знаменное на «Огни большого города» и «Новые времена».

Последние свои фильмы Чарли Чаплин ставил по три—четыре года кажый. Видно, только исключительное желание своевременно откликнуться на сегодняшние события заставляло Чаплина свести работу по выпуску антифашистского фильма «Диктатор» к пяти месяцам.

* * *

Когда в 1930 году группа советских кинематографов, созданных

фильм «Броненосец Потемкин», прибыла в США, Чарли Чаплин проявил исключительный интерес к гражданам СССР.

Кинорежиссер С. Эйзенштейн, Г. Александров и оператор Эдуард Тисес около месяца прожили в дачной местности вблизи Голливуда. Местность эту называют «бонтоль звезд». Зоркий наблюдатель «стар» — звезды американской кинематографии.

Советские киноработники поселились по соседству с Чаплином и пользовались исключительным его расположением и вниманием. Неоднократно Чаплин приглашал их к себе, расспрашивал о Советском Союзе, о нашей кинематографии, которую он очень высоко расценивает.

У Чаплина, рассказывал пишущему эти строки кинооператор Тисес, имеются все музыкальные инструменты — от гармоника до органа. Чаплин играет на каждом из них, кроме того он, как известно, сам пишет музыку к своим фильмам.

На берегу Тихого океана, вблизи «бонтоль звезд», имеется парк с аттракционами. В свободные часы Чарли Чаплин выезжает туда. Он заводит лодку с двумя тира. Срезает Чаплин до тех пор, пока не попадет в сложную мишень, что дает право на получение высшего приза — будильника. Выиграв очередной будильник, Чаплин отправляется в небольшую свейскую акустическую, владельца которой готовит его малобюджетные клоды.

Хозяйка акустической показала советским кинематографам специальную полку, густо заставленную будильниками.

— Все эти будильники, — сказала она, — подарил мистер Чаплин. Скоро их уже некуда будет ставить. Придется завести новую полку.

Чаплин очень любит митягские песни и романы. Он обладает огромного количества патефонных пластинок, на которых записаны митягские напевы в разных частях мира. Слушая эти пластинки, Чаплин неоднократно восклицал: — I am an English gipsy! (Я английский цыган!).

Однажды Чаплин извлек из архива небольшой кинофильм, снятый им в годы империалистической войны. Он показал эту картину советским кинематографам. Фильм изображал Чаплина в роли солдата-фронтовика.

...Маленький солдат спит в окопах. Ему холодно, его залпают восток, но нему шимкает крысы. Но невзрачный солдатик но сие видит себя героем, совершающим великие подвиги: маленький солдатик берет в плен Вильгельма...

Этот старый фильм вызвал у смотривших его варны веселого смеха. Но, когда зажгся свет, присутствующие увидели, что у Чаплина глаза мокры от слез. Так рещительно большой художник на одну из своих ранних работ...

Если верить некоторым сообщением, Чаплин исполнит в антифашистском фильме «Диктатор» две роли: диктатора Гитлера и Гитлера и заключенного в концлагере.

Демократия всего мира с нетерпением ожидает появления новой работы замечательного мастера кино — Чарли Чаплина.

Калифорния, Беверли Хилс. В доме Чаплина. Слева — Эдуард Тисес, оператор-орденоносец, справа — Чарли Чаплин (каждый публикуется впервые).

СЛУЧАЙ С ОЧЕРКИСТОМ

Е. и С. Шatroвы

Очеркист Вася Ржакой попал в жесточайший нейтют. Он начал беседовать с колхозником Федулком, когда машину уже заправляли горючим. Колхозник нехотя и односложно отвечал на топилные вопросы очеркиста.

— На войне быль?

— Вернулись с фронта? Нашенский наезд? Пала кобыла? На грани иншты?—телеграфой скороговоркой спрашивал Ржакой.

«С придуры»,—подумал очеркист, насколько он помнит, кобыла пребывала в добром здорье.

— Сыновья есть?—продолжал Ржакой.

— Имеются.

— Угачты? Выблыва в люди? Открыты все горизонты?

— На сыновей не жалуюсь.

— Все это странно интересно. Замечательно! Если вас не затруднит, перечислите сыновей по именам и профессиям.

— Какой же тут труд?—угрюмо удивился колхозник. — Сын Иван у меня — шикшер, Вася — на Сталинградском тракторном техникум, Михаил — учитель, Григорий — бухгалтер, а Семен — по писменной части.

— Так! — одобрительно кивнул Ржакой. — Живете зажиточно? Патронесть?

— Живем подходяще. Только патрона не имеется.

— Странно, — изумился Ржакой. — Очень странно. А велосипед? Наволочка? Швейная машина?

— Да ты бы в забу ашел...

Но Ржакой уже звал шофера. Сунув колхознику руку, очеркист поехал к машине.

«Счастливая находка! — размышлял Ржакой. — Непорочно же на такого замечательного старика. Одно имя чего стоит: Федулк! Не имя, а сплошной сюжет!»

Затем у Ржакого мелькнула мысль, что вславу было бы сматерить очеркишко о народной интеллигенции. Он начал придумывать эффектные заголовки для очерка: «Встреча», «Разговор у машины», «Пять сыновей Федулка», «Ваша ми все из народа», «Дети семьи трудогов», «Вратский союз»...

Машину тряхнуло. Нить мысли у Ржакой оборвалась и приняла другое направление.

Через несколько дней он бодро вошел в редакцию журнала «Многосоюз» и скато сформулировал тему будущего очерка.

— Речь пойдет, — сказал он секретарю редакции, — о старике-колхознике в его сыновьях — советские интеллигентах. Если не подходить, у уоую.

— С чего вы взяли, что не подходить? — испугался секретарь. — Наоборот, очень подходит. Запритесь в комнату и пишете. Начало очерка не витаносмавалось у Ржакой до тех пор, пока он не вспомнил о пышной борде Федулка. После этого дело быстро пошло на лад. О борде Ржакой написал две страницы, называя ее библиейской, патриаршей, народной и даже почему-то адмиралской. Подочек Ржакой немного запутался; у него получалось, будто Федулк сумел объединить бордой только при советской власти. Но когда Ржакой начал описывать разговор с колхозником, опять все пошло гладко.

«Уже занималась заря, — вихлоვნю писал В. Ржакой, — а беседе было видно конца. Вот он, родоначальник новой народной интеллигенции! — подумал я. — Простой, как римлянин, и мудрый, как фольклор.»

Сетало... Где-то лагали псы, поросие густой шерстью. За окномцей мела поземка. Вдруг под окнами, прескочив гусеницами, пробежал трактор.

— Может быть, мой сын делал? — сказал Федулк, улыбаясь мило, но хитрой крестьянской улыбкой. — А? Как по-вашему?

Как я мог ответить этому замечательному старику, такому прямому и не гнушающемуся, как озожа? Я посмотрел в упор на его изумительную борду и подумал: За сынов, за интеллигентов спасибо!

Затем Ржакой привялся живописать сыновей Федулка.

«Все бухгалтеры крутят арифмометры, — рассуждал Ржакой, — а Григорий — бухгалтер. Стало быть, он тоже крутит арифмометр, так и запишем!»

Вот и закончил методу. Ржакой без особого труда набросал в своем очерке портреты всех сыновей-интеллигентов. Все они получились в одинаковой степени ластойскими, пылкими и еще гнушающимися, как молодые дубяк. Отличались они друг от друга

ГОРЕ-КОНТРОЛЕРЫ

Некоторые комсомольские руководители вместо того чтобы организовать помощь самостоятельно изучающим историю партии стали изобретать бюрократические формы контроля и проверки знаний.

Рис. Б. Анфилова

Текст К. Верина

— Как дела?
— Да все в порядке, Валентина Петровна... Можешь ставить ялос в тетрадке.
Ну, идем, довольна слов... Потому что Байца Минна

Проживает еще выше, И видится уж тебе Надвинутая по трубе. Вот что дурна напора, Сососываешь по «контролю».

только тем, что один пылливо разглядывал чертежи, другой пылливо преподавал географию, третий пылливо крутил арифмометр и т. д.

Очерк был готов на другой день. Название его не претендовало на особую свежесть: «Опыт и дети». Редакция «Многосоюза» от души радовалась, что ей удалось законтрактовать прозаичную В. Ржакого еще на корню. Задержав верстку журнала на две недели, очерк вступил в очередную новер.

В Ржакой подумывал теперь, как бы ему выкрутить на бессили с Федулком повестушку. Но тут грянул гром с ясного неба. В одной из центральных газет появи-

лилась статья молодого критика С. Прозорова. Очеркист был назван в ней пошлом, а его очерк халтурным и присособиеческим.

— Это пождет! — жаловался всем Ржакой. — Меня оклеветали. Прозоров не входил деревни. Он не знает народной интеллигенции. Он заплевывал в своем кабинете. Я ему докажу!

И Ржакой пошел объясняться с критиком.

Интересно все-таки знать: чем кончился разговор между критиком и очеркистом?

Бель С. Прозоров был пытым сыном колхозника Федулка, тем самым, что пошел по писменной части.

ПРОГУЛЫ И БЫТ

В № 12 «Смена» за 1938 год был напечатан отчет сба комбайнов, в № 1 — «Как родилось прогулы». В этих отчетах рассказывалось о том, к чему приводит небрежная воспитательная работа среди молодежи, безграмотных, аварьных и вредных элементов, прогульщиков. Вразумительные элементы, неподходящие для молодежи, которые морально разлагают молодежь.

Указания «Смена» проводила объединение очерков на Ростовском заводе комсомольских работников на комбинате имени товарища Сталина. В обсуждении участвовал комсомольский актив завода.

Обсуждение показало, что журнал своеобразно составил острое порицание безграмотности молодежи в отношении культуры, а также за укрепление трудовой дисциплины. Там, где не было поставлено вопроса о культуре, где комбинат отдался во власть кулачества, где комбинат не уделял внимания культуре, где в клубах не было культуры, которые не считали провозглашен и девизом, которые не считали провозглашен и девизом, которые не считали провозглашен и девизом.

Борьба с пережитками капитализма в сознании людей требует от комсомольских организаций последовательного внимания к быту, к делу молодежи.

Низко мы считаем некоторые выступления по жизни молодежи.

«ПЯТЬ ДОМИКОВ»

Вопросы быта, поднятые «Сменой», заставили меня задуматься над тем, как живут мои товарищи, как живу я сам. Я работаю на глиняном конвейере цеха комбайнов, живу в рабочем поселке недалеко от завода. В этом поселке много молодежи. Воспитательной работы с ними не проводят. Иногда приходится быть свидетелем пьянок и драк.

Всем известно, какой дурной славой пользуется поселок в Демьяновке. В этом поселке «Пять домиков» — общинный завод. По вечерам. В выходные дни везалеки слышат хмельные песни под гармонку. Уже не раз обсуждал райком комсомольский вопрос об общинниках, но результатов никаких.

Я с интересом прочел бытовые очерки, помещенные в №12 и 1 журнала «Смена», и обнаружил, что Челябинск в некоторых отношениях похож на Ростов, а Колымский поселок в Москве — на поселок Сельмана.

У нас, в Ростове, среди части молодежи также в molte вечеринки вкалывают. Ростовские любители таких вечеринок устраивают их по стандартному рецепту: водка, танцы, игры с поеданием.

Играют в бильярд на деньги не только в Челябинске, но и у нас, во Дворце культуры. Ростовские маркеры также акронштейнают своих людей. Новому человеку трудно добраться до бильярда. «Жучки» с помощью

Борьбу за трудовую дисциплину надо вести не только на производстве, но и в быту, в рабочих общежитиях.

Плохая воспитательная работа на Ростсельмане приводит к тому, что некоторые молодые рабочие не считают прогул позором. В этом приходится слышать шуточки на тему об опозданиях и увольнении. В то время как старые производственники не допускают ни одного опоздания, у некоторых молодых рабочих дело идет к увольнению. Недавно слышал такую фразу от молодого слесаря: «Захожу опоздать — прогуляюсь...»

Комсомольские организации должны последовательно бороться за воспитание в молодежи социалистического отношения к труду и помогать ей организовать свой досуг.

С. КАЦМАН

СИЛА ПРИМЕРА

Два года назад я поселился в общежитии «Пять домиков». Мои соседи не умели владеть культурный быт. В комнате было грязно. С утра до поздней ночи толкался у нас народ. Я устроился по-соседски, в свободное время читал, занимался и наотрез отказывался принимать участие в выпивках и вечеринках. Первое время девушки были удивлены.

— Ну что это за жизнь, Ксения? — говорили они.

Но постепенно 13 моих соседей привыкли, что в комнате должно быть чисто, что надо считаться не только со своими вкусами, но и с желаниями остальных. Нанесли привычки другого пристанища. О нашей комнате стала слава по всему общежитию. Такова сила хорошего примера. Комсомольцам надо быть примером в общежитиях, воспитывать молодежь личным примером. К сожалению, на Ростсельмане работа среди молодежи, живущей в общежитиях, проводится плохо.

К. ЛАРЧЕНКО

«ОРЛЯНКА» В КЛУБЕ

Маркеры легко находят неопытных игроков для того, чтобы обмануть их, «оборать», как принято здесь говорить.

За бильярдом идет мальтежка компания. В этой компании играют в карты и в орлянку. Свежий человек, случайно попавший сюда, с трудом поймет тот жаргон, на котором здесь разговаривают.

Завсегдатаи бильярдной ведут себя во Дворце культуры, как дома. С ними опасно связываться. Их хорошо знает милиция, но работники клуба стараются их просто не замечать.

М. ФАВУШ

ПОПРАВКА

В № 11 «Смена» в фоточерке Н. Штердера «Город рассказывает» допущена ошибка в подписке к фотографии, изображающей ворота дома № 11 по Большому Какому переулку (ныне переулок Ильича) в Ленинграде. В подписке указывалось, что здание построено в ночь с 20 на 21 арест В. И. Ленина нарской подпольной и ворот этого дома проломлены 3 июня (21 мая по старому стилю) 1900 года. На самом деле арест произошел 3 июня (21 мая по старому стилю) 1900 года.

На сотрудница редакции, допустившего это искажение, наложено выскание.

Зам. ответ. редактора М. Л. Гольдберг

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-34-24

Сдано в набор 13/III 1939 г. Подписано к печати 8/III 1939 г. Уполномоченный Главлита № А — 4205.

Изд. № 200. Формат 72 x 110 см. Технический редактор Б. М. Фейгин.

Тираж 45 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В этой книге почти нет злободневных глав. Перед читателем один за другим проходят банальности, провинции, мемуары, рассказы, рассказы, рассказы. Вот разное — убийца денегата Чрезвычайно VIII ассессорного съезда советских учителей М. В. Прониной. «Время от времени он превращался в судью и начинал протекать, по-звериному вить, уставив в одну точку налитыми кровью глазами» (стр. 94). Вот убийца графа Вульфсона бывший начальник зинковской личности которого не было ни одного проблина, ни одного светлого пятна, ничего человеческого, зная лишь один, свой, семичуковский, котыр какой-то (стр. 61).

Но книга не оставляет у читателя тяжелого, гнетущего впечатления. «Записки следователя» не могут считаться ни в каком отношении к популярным в капиталистических странах книгам о «великих» преступниках и «гениальных» заиках. «Записки следователя» — это рассказ о борьбе советской власти с одним из отвратительнейших пережитков эксплуататорского строя — преступностью.

В нашей стране нет нищеты и эксплуатации, нет борьбы всех против всех, характерной для капиталистического строя. Поэтому преступность у нас — явление неслыханное, глубоко чуждое. Когда гнусный выродок Семичуков попытался применить на острове Врангеля «волюй закон», он наткнулся на сопротивление коммунистов. Два комары — Ваного и Дмитрия — навели следственные органы на след банитов, убивших и ограбивших оленевладельцев. «Эти люди не из туземцев, это люди чужие, — уверенно сказали они, — люди из туземцев так не поступают» (стр. 144). Преступник — чужой человек не только в туземце, но и в любом месте советской территории. В Советском Союзе провозданы со всеми принципами преступности, в которые причина интереснейшего явления, описанного в двух последних главах книги Шейнина, — массовых добровольных вывоз угодливцов с поминной.

Это — явление, доселе неслыханное в поминной ни в каком государстве, кроме нашей родины.

Советское государство широко карает врагов народа и нарушителей советских законов. Но оно дает возможность каждому преступнику, ослепшему свою вину перед народом и искренно желающему загладить ее, снова стать честным советским гражданином.

С. Карамоленко.

Д. Шейнин «Записки следователя», «Советский писатель», 1938, стр. 188, книга 2 р. 75 к.

Оформление В. И. Урина

4 печ. л. 98 000 экз. в печ. л. Заказ № 479. Тираж 45 000 экз.

ВЫСЛАЕТ ПОЧТОЙ ОТДЕЛЬНЫМ ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, СОВХОЗАМ, МТС, КЛУБАМ, ШКОЛАМ, ДОБРОВОЛЬНЫМ СПОРТБЩЕСТВАМ и ДРУГИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ (кроме торгующих)

СПОРТИВНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ:

I. Легкая атлетика		
Гранаты для метания (учебные)	7 р. 70 к.	
Медицин-боа от 1 до 6 кг	37 р. — к.	52 р. — к.
Мячи для метания от 1 до 2 кг.	32 —	45 —
Ядра для толкания	6, 50	13 —
Булавы	12, 50	8, 50
Древки для метания	39, 50	42 —
Наконечники к древкам	12, 50	14, 50

II. Тяжелая атлетика		
Шапки международные	560 р. — к.	600 р. — к.

III. Гимнастический инвентарь		
Кольца гимнастические	37 р. — к.	42 р. — к.
Тренеры	9 —	11 —
Канаты для лазания	43 —	46 —
для перетягивания (20 м)	225 —	233 —
Лестницы веревочные	31 —	35 —
Палки гимнастические	1, 75	2 —
Шесты для лазания	45 —	52 —
Книги гимнастические	612 —	650 —
Козы	245 —	290 —
Турники	348 —	400 —
Брусья параллельные	810 —	1100 —
Трамплины	9, 26	11 —
Маты гимнастические	243 —	280 —

IV. Игры разные		
Шапки деревянные разные	3 р. — к.	6 р. — к.
пластмассовые	9 —	23 —
Шахматы пальмовые разные	22 —	36 —
клубные	20, 40	30 —
Доски для шахмат	—	89 —
картонные	18 —	60 —
Домно неокантовое среднего размера	11 —	15 —
Бильярд 2X1 метра, дорожные	1 200 —	1 700 —
шары и 4 кн.	6 000 —	15 000 —
клубные	—	—
120 X 90 см, металлические шары и 2 кн.	216 —	240 —
Бильярд пионер, шары металлические	96 —	110 —
Бильярд японский	17, 90	19 —
Городки	9, 55	12 —
Головоломки разные (комплект 5 шт.)	5, 26	8 —

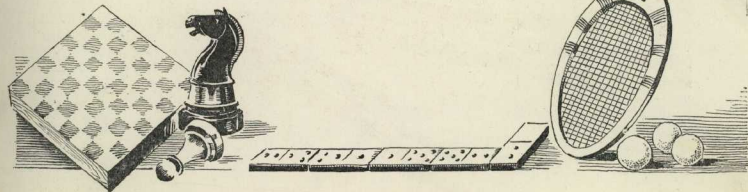
V. Летний спорт		
Футбольные покрывки	20 р. — к.	50 р. — к.
Боевые	12, 40	25 —
Камеры футбольные и волейбольные	1, 28	1, 75
Наколеники	3, 67	4, 50
Штанги футбольные	58 —	64 —
Ракеты теннисные	12, 10	14 —
Чехлы для ракет	15 —	16, 50
Пресса для ракет	—	—

Теннисные мячи	от 2 р. 56 к.	до 3 р. — к.
Туфли теннисные бегае на резиновой подошве	21, 20	23, 20
Насосы футбольные	7 —	8, 50
Свистки судейские	1, 02	1, 20
Гамаки разные	18, 30	62 —

VI. Велопринадлежности		
Велозаносы без шланга	от 13 р. — к.	до 15 р. — к.
Велозаносы	7, 80	8, 50
динамки	45 —	50 —
вешалки	50 —	6 —
багажники	4 —	12 —
замки	4, 75	5, 25
сумки	3 —	12 —
Ручки резиновые	1, 05	1, 20
Ручки пластмассовые	1, 20	1, 40
Велорезина педальная	1, 19	1, 30
Насосодержатели	3 —	3, 75
Брюкодержатели	1, 80	2, 25

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ!

- Цены включают все расходы по упаковке и пересылке в пределах 1-го почтового ложа. Разница в стоимости пересылки по 2-й, 3-й и 4-й почтовым ложем взимается дополнительно.
- Деньги направляйте почтовым переводом по адресу: Москва, ул. Кирова, 47, Ж. С. Посылторг.
- Заказ принимается обязательно на оборотной стороне почтового перевода. Переводы без указания в них заказа Посылторгом по почте не принимаются, и деньги возвращаются обратно заказчику с отнесением почтовых расходов за его счет.
- Организации перечисляют деньги на расчетный счет Посылторга № 460119 в операционном управлении Правления Госбанка в Москве и в заказе указывают дату, сумму перечисления и наименование отделения банка, перечислившего деньги.
- Адрес для отправления посылки укажите подробно: область, район, город и селение, почтовое отделение, улицу, номер дома, фамилию, имя и отчество получателя полностью.
- Наложным платежом посылки не высылаются.
- Заказы выполняются в порядке поступления в течение 25 дней с момента получения заказа и денег.
- Посылторг не обслуживает Москву, Ленинград и Московскую область.
- Заказы на сумму менее 15 руб. не принимаются.
- Заказывая тяжелый спортивный инвентарь, заказчик обязательно должен указать жел. дор. станцию назначения.
- Неоплаченные письма Посылторг не рассматривает.
- Заказчики, проживающих в Новосибирской, Иркутской, Зейской, Амурской, Уссурийской и Хабаровской областях, в Красноярском крае, на Сахалине, Камчатке, Чукотке и Бурят-Монгольской АССР, обслуживаются: Иркутская крптора Посылторга: Иркутск, ул. Желтого, д. 3.6. Расчетный счет № 60038 в Иркутском отделении Госбанка.

Цена 1 рубль.

